

Заповедник «Херсонес Таврический»
Крымское отделение Института Востоковедения

VI Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
Империя и Полис

Севастополь, 2 - 6 июня 2014 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Севастополь
2014

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и Полис // Тезисы докладов и сообщений VI
Международного Византийского Семинара (Севастополь 02 - 06.06 2014)

*Издаются по решению Ученого Совета
заповедника «Херсонес Таврический»*

Организационный комитет и Редколлегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук,
руководитель Крымского отделения Института востоковедения
(Симферополь) - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. (Paris IV-Sorbonne),
кандидат исторических наук, заведующий филиалом заповедника «Херсонес
Таврический» (Севастополь) - КООРДИНАТОР

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических
наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей
истории РАН (Москва)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, профессор, доктор исторических наук,
заместитель директора Института Всеобщей истории РАН (Москва)

ИВАКИН ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ, член корреспондент НАНУ, доктор исторических
наук, заместитель директора Института археологии НАН Украины (Киев)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических
наук, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Уральского
Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом заповедника «Херсонес
Таврический» (Севастополь) - СЕКРЕТАРЬ

© Коллектив авторов (2014)

© Заповедник «Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

АЙБАБИН Александр Ильич (КрО ИВ РАН)	
ХАЙРЕДИНОВА Эльзара Айдеровна (КрО ИВ РАН)	
Экономика городища Эски-Кермен в XIII в.	5
АЛЕКСЕЕНКО Николай Александрович (ЗХТ, Севастополь)	
Ведомство <i>epi ton oikeakon</i> и его представители в администрации Херсона	7
АЛФЁРОВ Александр Михайлович (ИИ НАНУ).	
Моливдовулы с родовыми именами Анахал, Арсафир, Саулоиоанн и Тарханиот из архива печатей византийского Херсона (по материалам коллекции А. Шереметьева)	10
АФИНОГЕНОВ Дмитрий Евгеньевич (ИВИ РАН, Москва)	
О датировке XV и XVI гомилий патриарха Фотия	13
БАРАБАНОВ Николай Дмитриевич (ВГУ, Волгоград)	
Сила стопы. Роль ног и следов в византийском народном христианстве	14
БУТЫРСКИЙ Михаил Николаевич (ГМВ, Москва),	
СЕЛУНСКАЯ Надежда Андреевна (ИВИ РАН, Москва)	
Экспедиция Императорского Православного Палестинского общества в Сирию и Палестину на страницах переписки Н.П. Кондакова и И.В. Помяловского	16
ВИНОГРАДОВ Андрей Юрьевич (НИУ ВШЭ, Москва)	
Кто сидел в херсонской тюрьме около 1000 года?	18
ГИНЬКУТ Наталья Витальевна (ЗХТ, Севастополь)	
Византийская поливная керамика и ее имитации из раскопок генуэзской крепости Чембало	20
ЗАВАДСКАЯ Ирина Анатольевна (КрО ИВ РАН)	
Этапы христианизации «народа фульского» по материалам культового строительства на городище Тепсень	21
ЕВДОКИМОВА Александра Алексеевна (ИЯз РАН, Москва)	
Новые греческие граффити из каппадокийских памятников Зинданьоню 1 и Зинданьоню 2 (Узумлю-Килисе)	22
ЕВСЕЕВА Лилия Михайловна (ЦМДКИ им. А. Рублева, Москва)	
Раннехристианские декоративные мотивы в мозаиках Монреале	24
КУРЫШЕВА Марина Александровна (ИВИ РАН, Москва)	
О датировке рукописи хроники <i>Продолжателя Феофана</i> – <i>Vat. gr. 167</i> (предварительные наблюдения)	27

КУЩ Татьяна Викторовна (УрФУ, Екатеринбург) Интеллектуальное окружение поздневизантийских императоров: компаративный аспект	29
МАЙКО Вадим Владиславович (КрФИА РАН, Симферополь) Византийская фортификация Сугдеи первой половины XIII в.	30
НАУМЕНКО Валерий Евгеньевич (ТавФУ, Симферополь) К дискуссии о целях и результатах так называемой «хазарской» миссии Константина Философа	32
РЯБЦЕВА Светлана Станиславовна (ИКН АНРМ, Кишинев) О находках украшений византийского круга X–XI вв. в Средиземноморском и Понтийском регионах	34
СЕРОВ Вадим Валентинович (АлГУ, Барнаул) Кесарь Тиберий, Юстин Младший и Августа София: взаимоотношения по поводу власти	36
СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич (КрО ИВ РАН) ЯШАЕВА Татьяна Юсуфовна (ЗХТ, Севастополь) Средневековые стеклянные и литые бронзовые монетовидные эпифоры Херсонеса	38
СТЕПАНОВА Елена Владимировна (ГЭ, Санкт-Петербург) Изображения на печатях коммерциариев Фессалоники X в.	40
СТЕПАНЕНКО Валерий Павлович (УрФУ, Екатеринбург) Еще раз о локализации Хазарии в XI в.	43
ХРАПУНОВ Никита Игоревич (КрО ИВ РАН) Новые находки в могильнике Нейзац и проблемы использования монет в позднеримских могильниках Крыма	43
ЧХАИДЗЕ Виктор Николаевич (ИА РАН, Москва) Печати П. Фалетро Сан Томе	44
ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич (УрФУ, Екатеринбург) Вклад А.Л. Бертье-Делагарда в разработку проекта музея в Херсонесе (1879 г.)	45
ЩАВЕЛЁВ Алексей Сергеевич (ИВИ РАН, Москва) Еще раз об идентификации и локализации славянского «племени» Λενζανῆνοι / Λενζένινοι / * lędjane	47

А. И. АЙБАБИН
Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

Крымское отделение Института востоковедения
(Симферополь, Россия)

ЭКОНОМИКА ГОРОДИЩА ЭСКИ-КЕРМЕН В XIII В.

Археологические свидетельства позволяют охарактеризовать экономику городища в XIII в. В процессе раскопок 2003–2008 гг. в слое пожара найдены многочисленные изделия из железа и бронзы, дающие представление о быте и образе жизни жителей города. Особый интерес представляют орудия труда и предметы христианского культа. Публикуемый материал ценен также тем, что происходит из закрытых комплексов, надежно датированных второй половиной XIII в.

В раскопанном квартале обнаружено 10 целых серпов и несколько небольших фрагментов лезвий серпов. Все серпы одинаковой конструкции. Они выкованы с длинным изогнутым лезвием, заостренным на завершении и с отогнутым наружу, прямоугольным в сечении узким черенком. Длина лезвия по прямой, от острия до места перехода в черенок — 27,5–33,0 см, ширина 2,5–3,0 см. На режущей части лезвия нескольких серпов видны мелкие зазубрины. У двух серпов лезвие на завершении не только заострено, но еще и загнуто. На черенках многих серпов сохранились следы деревянной рукояти. Длина черенков 9,7–10,7 см. Черенок вбивался в короткую деревянную рукоять. Для фиксации рукояти конец черенка загибали.

Серпы — самое распространенное ручное сельскохозяйственное орудие, жатвенный нож. Обычно он используется для уборки зерновых культур (жатва хлебов) и резки трав во время заготовки фуражных кормов для скота. Серпы не предназначались для жатвы под корень, ими срезали колосья без соломы. Жнецы, срезающие серпом колосья зерновых культур, изображены на византийских миниатюрах и на декоративной пластине из слоновой кости.

Фрагменты серпов найдены в жилых домах и на поселениях средневекового времени Юго-Западного Крыма — близ сел Гончарного и Передового. Такими же серпами пользовались жители Херсона. Серпы этого типа были широко распространены в Византии.

Виноградарские ножи из помещений выкованы с широким, изогнутым лезвием с трапециевидным пластинчатым выступом на спинке и с длинным черенком, загнутым на завершении. Сохранившаяся длина ножей — 18,0 см и 25,0 см; длина черенка 9,5 см; ширина лезвия 4,7 и 5,7 см; размеры выступа 3,3х4,2 см и 4,3х4,3 см. На черенках видны следы деревянной рукояти. Виноградарские ножи такой формы использовали с эпохи античности вплоть до новейшего времени.

В помещениях также обнаружены садово-виноградарские ножи, выкованные с длинным, изогнутым лезвием (длина 20,5 и 26,5 см; ширина 3,7 и 5,5 см)

и с усечено-конической втулкой (длина 10,5 и 12,0 см; диаметр 4,0 и 5,0 см), внутри которой сохранились следы от деревянной рукояти. Втулка одного ножа сплошная, тогда как второго — полуоткрытая. Деревянная рукоять закреплялась внутри втулки гвоздем из прямоугольного стержня с небольшой круглой шляпкой. Судя по изображениям на византийских миниатюрах XI в., деревянные рукояти были такой же длины, как и сам нож. Ножи такой формы известны с эпохи античности. Скорее всего, эти ножи были многофункциональны и использовались для обрезки и винограда, и садовых деревьев.

Скребницы найдены в усадьбе I и на прилегавшем к ней участке поперечной улицы, а также экспедицией Н. И. Репникова в 1937 г. Все они сделаны из железной прямоугольной пластины (размеры 3,0x22,2 см и 5,8x21,0 см) с мелкими зубцами по нижнему краю. На лицевой стороне одной из скребниц прикреплена дополнительная узкая пластина с загнутыми краями. К верхней стороне скребниц приварен изогнутый почти под прямым углом черенок (длина 6,0 см и 7,0 см) из прямоугольного в сечении, заостренного на завершении стержня. Черенок вбивался в деревянную рукоять. На некоторых аналогичных инструментах из Херсона сохранились костяные рукояти.

Жители Эски-Кермена разводили лошадей. По наблюдениям О. П. Журавлева, исследовавшего остеологический материал из раскопок 2004–2005 гг. на городище Эски-Кермен, это были полутонконогие лошади, которые использовались и как верховые, и как упряжные, и как тягловые животные.

Щетка для чесания шерсти с железными частыми длинными зубьями, вбитыми в два ряда в деревянную планку, обтянутую железной пластиной, найдена на главной улице, около усадьбы I. Щетка разломана на три части. Ее высота — 11,0 см.

Щетки для чесания шерсти такого же типа были широко распространены в Юго-Западном Крыму в XIII в. Находки щеток для чесания шерсти и многочисленных керамических и каменных пряслиц — грузиков для веретен, свидетельствуют о производстве шерстяных пряжи и нитей, а вместе с тем и о ткацком деле, для которого выделка пряжи была необходимой подготовительной стадией. Прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности, им занимались почти в каждой семье. Известно, что еще с эпохи античности в Северном Причерноморье отдавали предпочтение шерстяным тканям. Сырья для их изготовления было достаточно, поскольку овец разводили повсеместно. По подсчетам О. П. Журавлева, среди домашних животных, разводимых жителями Эски-Кермена в XIII в., преобладали овцы и козы.

Колокольчики для скота обнаружены в усадьбе I, в помещении 3 и в усадьбе V, в помещении 6. Колокольчик из усадьбы I отлит из бронзы с усечено-коническим туловом, украшенным врезной линией, и пластинчатой петелькой для подвешивания. Его высота — 3,8 см, диаметр основания — 3,7 см. Колокольчик из усадьбы V сделан из согнутой пополам железной пластины. Его высота — 9,2 см; ширина — 7,0 см. В месте сгиба прорезано два отверстия, в которые вставлено кольцо диаметром 3,8 см для подвешивания из прямоугольного в сечении стержня с за-

ходящими друг за друга концами. Внутри колокольчика к кольцу прикреплена железная бита из прямоугольного в сечении стержня.

Бронзовые колокольчики для скота — распространенная находка на византийских памятниках средневекового времени.

Бронзовые колокольчики, скорее всего, предназначались для небольших животных — коз или овец, тогда как железные — для крупного рогатого скота. В усадьбах этого времени имелись зернохранилища и кормушки для домашних животных.

Жители городища на плодородных землях в прилегающих к плато долинах выращивали злаки, возделывали сады и виноградники, а также содержали домашний скот.

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Россия)

ВЕДОМСТВО ΕΡΓΙ ΤΟΝ ΟΙΚΕΑΚΟΝ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛИ В АДМИНИСТРАЦИИ ХЕРСОНА

Сфрагистические памятники византийского Херсона постоянно преподносят нам неожиданные сюрпризы, открывающие новые интересные детали в его административно-политической истории. В последнее время корпус местного бюрократического аппарата пополнился ранее неизвестными должностями такими как экдик и патер полиса. Совсем неожиданным стало появление и страторов Херсона.

Небезынтересным на наш взгляд является и присутствие среди херсонских чиновников представителей, связанных со столичным управлением $\epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\nu\ \omicron\iota\kappa\alpha\iota\kappa\omicron\nu$.

Долгое время единственным свидетельством существования связи местных функционеров с этим ведомством была изданная более 100 лет назад И. И. Толстым, печать протевона Михаила (ныне в собрании Государственного Эрмитажа). Лишь в начале 90-х годов XX в. с появлением первого тома каталога печатей Думбартон Оакс в научный оборот был введен дублетный экземпляр этой печати.

Издатели американского экземпляра датируют его всем периодом X в. В то же время И. В. Соколова первоначально связывала моливдовул из коллекции Эрмитажа с периодом отложения Херсона от Византии во время восстания Георгия Цулы в начале XI в. Затем исследовательница пришла к выводу о его принадлежности к периоду деятельности городских властей после взятия города киевским князем Владимиром. Однако, позже она вновь пересмотрела датировку этой буллы и предложила отнести её к самому началу X столетия.

Заметим, что в пользу последней датировки говорит и использованный на печати сфрагистический тип, как правило, датирующийся первой половиной X в.

Следует отметить, что абсолютное число исследователей, отмечая присутствие на печати указания на принадлежность владельца к магистрату — $\omicron\ \epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\nu$

οἰκιοκῶν, не только относят последний к ведомству, ведавшему императорскими владениями, но и считают сам термин одним из высших придворных чинов X в.

В этой связи особый интерес вызывает еще одна печать, имеющая отношение не только к административному управлению Херсона и этому имперскому управлению, но и, вполне очевидно, принадлежавшая той же самой исторической личности.

Среди моливдовулов, входящих в комплекс херсонского архива печатей недавно удалось выделить печать, владельцем которой был одноименный персонаж, удостоенный тех же рангов, но с иным должностным статусом и использованием для печати другого сфрагистического типа, предшествовавшего представленным на моливдовулах с должностью протевона.

Аверс. Четырехконечный крест, заключенный в жемчужный ободок на трех ступенях. По кругу традиционная надпись с invocativным обращением к божественной помощи: Κ Ε Ρ Ο Ν Η Ν Τ Ω

Реверс. Шестистрочная (?) надпись: .ΗΧ.ΗΑΒ.ΣΠ.Ι.ΣΕΠΝΤΩ.Ι.ΚΝΑΚ.ΣΚ.Ι.ΩΧΕΡ|... которая гласит, что владельцем печати являлся Михаил, императорский спафарий ἐπί τῶν οἰκιοκῶν и кир (!?) Херсона.

Печать оттиснута на заготовки малого модуля. По этой причине внешний ободок на обеих сторонах вышел за поле заготовки. Скорее всего, на аверсе печати был представлен хорошо известный тип с изображением креста, заключенного в двойной жемчужный ободок между нитями которого располагалась invocativная легенда.

Аналогичный сфрагистический тип мы видим на печатях экдика Херсона Никифора, датируемых последней третью IX в. Очень близкий тип креста мы также находим и на печатях ранних стратигов Херсона Никифора и Феофания, которые соответственно датируются 860–880 гг. и последней третью IX в.

Если предложенная нами реконструкция легенды моливдовула верна, то мы по всей видимости имеем дело с буллой самого позднего кира Херсона.

Напомним, что все известные исполнители этой должности имеют на аверсе своих печатей крестообразную invocativную монограмму обращения к Богородице, благодаря которой датировка печатей не выходит за пределы середины IX столетия.

При сопоставлении данных ранее известных печатей Михаила — протевона и нового экз. обращает на себя внимание полное совпадение титулярной принадлежности владельцев. Различия составляют лишь сфрагистические типы и занимаемые владельцем должности.

Датировка печатей Михаила — протевона началом X в., а новой находки последней третью IX в. на наш взгляд может предполагать возможность их принадлежности одному и тому же персонажу. Печати в этом случае могут отображать различные этапы служебной карьеры этого херсонского чиновника.

Сначала Михаил предстает перед нами в ранге императорского спафария и представителя ведомства ἐπί τῶν οἰκιοκῶν, а также занимает пост местного кира (господина), должность которого благодаря новому моливдовулу, очевидно, теперь уже не следует рассматривать только как чин представителя официальных имперских властей дофемного периода.

Появление этого моливдовула вновь обращает внимание на существование неординарных форм управления в структуре городских (или региональных) властей в период формирования или начального этапа существования фемы в Таврике.

Возможно, появление этой должности в Херсоне было связано, как раз с началом усиления центральной власти в регионе — преобразованием архонтии, образованием здесь фемы и появлением стратига. Напомним, что печати киров синхронны, не только печатям архонтов, но и печатям первых стратигов.

В таком случае сосуществование должностей кира и стратига должно предполагать их различную ведомственную принадлежность. И если учесть специфику административного управления Херсона на всем протяжении его истории, то существование определенных элементов неких муниципальных структур с появлением новых сфрагистических памятников обретают все более и более реальные черты.

В дальнейшей своей карьере Михаил очевидно не преуспел в получении каких бы то ни было новых титулов и чинов. В тоже время со временем он оставляет пост кира и получает должность первенствующего — протевона Херсона.

Единичные находки моливдовулов, относящиеся к представителям местных чиновников, должности которых зачастую не фигурируют в имперских табелях о рангах, а также их не перекрещивающиеся датировки дают основания высказать мнение не только об их экстраординарности в городском хозяйстве, но и определенной хронологической последовательности и возможной взаимозаменяемости в тот или иной период истории города.

Присутствие на печатях Михаила и в том, и другом случае термина ἐπὶ τῶν οἰκιστικῶν заставляет видеть в нашем владельце представителя соответствующего столичного магистрата, в чиновниках которого исследователи, как правило, видят управляющих частного владения императора или исполнителей специальных поручений на какой-либо дворцовой службе.

Таким образом, можно прийти к заключению, что по крайней мер один их представителей херсонских властей мог иметь непосредственное отношение к императорскому домену. Косвенное, подтверждение этому тезису можно продемонстрировать еще на одном примере. Известно, что Константин Багрянородный называет дворец Манганн — ὁ τὰ Μάγυρα οἶκος βασιλικός. Для Херсона нам хорошо известен факт наличия должности местного протонотария, имевшего самое непосредственное отношение к секрету Манганн.

Возможно, отдельные из представителей местных херсонских властей в силу каких-то своих заслуг были особо приближены к императорскому двору и, судя по их рангам, могли не только исполнять определенные дворцовые поручения во время их присутствия на столичных церемониях, но и осуществлять надзор за императорским имуществом, которое могло располагаться не только в столичных регионах, но и в таких отдаленных провинциях как Херсон.

А. М. АЛФЕРОВ

Институт истории НАНУ, музей Шереметьевых
(Киев, Украина)

МОЛИВДОВУЛЫ С РОДОВЫМИ ИМЕНАМИ АНАХАЛ, АРСАФИР, САУЛОИОАНН И ТАРХАНИОТ ИЗ АРХИВА ПЕЧАТЕЙ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА (по материалам коллекции А. Шереметьева)

Из архива печатей византийского Херсона (коллекция Алексея Шереметьева, Киев) происходит некоторое количество моливдовулов с родовыми именами, которые представляют как знаменитые византийские фамилии, так и выходцев из малоизвестных семейств провинциальной аристократии. Дальнейшее изучение и каталогизация этого архива (работа осуществляется совместно с Н. А. Алексеенко) позволила обнаружить еще одну группу печатей, несущих в легендах патронимы. В настоящее время к херсонской просопографии можно добавить еще несколько фамилий, среди которых присутствуют и известные, такие как Тарханиоты и Саулоиоанны, так и встретившиеся впервые — Анахалы и Арсафиры.

Род Анахалов представлен четырьмя личными печатями владельца по имени Иоанн.

1. Иоанн Анахал

- 1.1. AKh-647. D — 16x17,5 мм; толщина пластинки — ок. 2 мм; вес — 3 г;
- 1.2. AKh-648. D — 11x21 мм; толщина пластинки — ок. 2 мм; вес — 1,8 г.
- 1.3. AKh-843. D — 15x16 мм; толщина пластинки — ок. 2 мм; вес — 2,3 г.
- 1.4. AKh-913. D — 16 мм; толщина пластинки — ок. 2 мм; вес — 3 г.

Аверс. Остатки изображения процветшего креста на ступенях и круговой надписи: + ... — [Κ (ύρι)ε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ].

Реверс. Трехстрочная надпись:

1.1	1.2	1.3	1.4
..ΙΩΗΙΩ	ΗΘΗ..
ΝΝΗΑΝ	...ΑΝ	..ΝΗΑ.	..ΝΗΑΝ
ΑΧΑΛΑ	ΑΧΑΛΑ	...Λ.	..ΑΛΑ

+Κ (ύρι)ε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ ...ηθη... Ἰωάννη Αναχαλα.

XI в.

Фамилия Анахал не известна по другим источникам. Возможно, она имеет тюркское происхождение. Вместе с тем отметим, что в греческом языке существуют по крайней мере два слова *ἀναχαλκῶ* — «преобразования» и *ἀναχαλκεύ* — «тот, кто работает с металлическими изделиями»¹. Это дает возможность видеть в фамилии и греческий корень.

Еще двумя экземплярами личной печати представлено семейство Арсафиров.

2. Евфимий Арсафир

2.1. AKh-632. D — 19x18 мм; толщина пластинки — ок. 2 мм; вес — 3,6 г.

2.2. AKh-649. D — 15 мм; толщина пластинки — ок. 2 мм; вес — 3,2 г.

Аверс. В жемчужном ободке изображение смотрящего вправо семаргла.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

2.1	2.2
+Є...	+ЄVΘ
MIΩΔ.	.IΩAP
CAΦH.	...H.
AM.N

+Εὐφ[η]μίου Ἀρσαφί[ρ] αἰ[τ]ν.

Первая половина XI в.

Отметим, что известен моливдовул императорского спафарокандидата и стра- тига Херсона Арсавира (Alekseyenko N. *L'administration Byzantine de Cherson*, no. 42). Датировать эту печать Н. Алексеенко, из-за состояния, более точно чем IX–X в. не стал. Хотя, возможно, в данном случае идет речь о совершенно разных случаях, где Арсавир — обычное имя, а Арсафир — родовое. В таком случае соотносить данные моливдовулы нельзя.

Аналогию изображения на лицевой стороне семаргла находим на печати Мо- сика Цулы — представителя известнейшей семьи Херсонеса (Alekseyenko 2012: nr. 160). Исходя из этой аналогии позволяем датировать и наш моливдовул тем же временем — первой половиной XI в.

Оставшиеся две печати представленные по одному экземпляру знакомят с но- выми представителями уже известных византийских семейств.

3. Иоанн Саулоиоанн, императорский спафарий.

AKh-1731. D — 26x24 мм; толщина пластинки — ок. 2,5 мм; вес — 7,7 г.

Аверс. В поле печати Изображение цветка в линейном ободке. По кругу легенда с инвокативным обращением: +KЄPQ...TΩC.ΔOV.. — K(ύρι)ε βο[ήθει] τῷ σ[ῶ] δού[λω].

¹ Благодарю за консультации и помощь А. Филипчака и Н Алексеенко.

Реверс: Пятистрочная надпись в линейном ободке:

+ΙΩΑΝ
ΝΗΡΣΠΑ
ΘΑΡΙΩΤΟ
VCAVΛΟ
ΙΩΑΝΞ

Ἰωάν
νη βασιλικῶ спа
θαρίω το
ῦ Σαυλο
ιωάνου

Κύριε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Ἰωάννῃ βασιλικῶ спаθαρίῳ τοῦ Σαυλοιωάνου.
X–XI век.

Из представителей этого семейства известны также печати Григория Саулоиоанна, который был протоспафарием и судьей ипподрома и Драгобитей (Другивития) (DOSeals 1991: nr. 21.3; Jordanov 2003: nr. 24. 2; Jordanov 2006: nr. 644). Однако, как заметил проф. И. Йорданов, род Саулоиоаннов неизвестен ни по нарративным, ни по другим источникам.

Вводимый в оборот моливдовул в известной мере расширяет наши знания о семействе Саулоиоаннов, деятельность представителей которого, очевидно, могла быть связана с Балканскими землями.

4. Лев Тарханиот, императорский протоспафарий.

AKh-911. D — 17x20 мм; толщина пластинки — ок. 3 мм; вес — 5,5 г.

Аверс. Крестообразная инвокативная монограмма. В углах тетраграмма:

...|.ϛ-.ω — Θεοτόκε βοήθει [τῷ σῶ δ]οῦ[λ]ῳ.

Реверс. Четырехстрочная надпись:

...
ΟΝΡΣΑ
.ΠΑΘΑΡΣ
ΤΑΡΧ

[Λέ]
ον(τίω) βασιλικῶ (πρωτο)
[σ]παθαρ(ίω) [τῷ]
Ταρχ(ανειώτη)

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῶ δούλῳ Λέοντίῳ
βασιλικῶ πρωτοспаθαρίῳ τῷ Ταρχανειώτη.

IX в.

Аналога печати, либо иных сведений о Льве Тарханиоте обнаружить не удалось.

Д. Е. АФИНОГЕНОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

О ДАТИРОВКЕ XV И XVI ГОМИЛИЙ ПАТРИАРХА ФОТИЯ

Для двух гомилий патриарха Фотия, посвященных истории арианских споров (XV и XVI, еще три из той же серии не сохранились), были предложены три датировки. С. Аристархис (ΑΡΙΣΤΑΡΧΗΣ 1900, 236–323) полагал, что патриарх произнес все пять гомилий в течение первого же Великого поста после своего рукоположения, т. е. в 859 г. К. Манго (Mango 1958: 18–22) приводит серьезные доказательства в пользу более позднего времени, в частности, явные параллели между XV гомилией и 290 письмом Фотия, где тот жалуется на утрату прежней счастливой жизни из-за навязанного ему сана (Photii 1983–88. Epistulae. Vol. 3. 1985. Ep. 290: 128–131). Манго также указал, что пять гомилий против ариан должны были служить подготовкой к последующему собору, на котором предполагалось еще раз осудить иконоборчество. Однако выбирая между соборами мая 861 г. и августа или сентября 867 г., ученый предпочитает второй, следуя за М. Жюжи, который усмотрел в XVI гомилии полемику с латинским учением об исхождении Св. Духа «и от Сына» (*filioque*), дающую 866 г. как *terminus post quem* (Jugie 1936: 287, n. 3).

На мой взгляд, соответствующий триадологический пассаж демонстрирует не полемику с какими-либо взглядами, которая при обращении к широкой аудитории с амвона Св. Софии должна была быть четко акцентированной и недвусмысленной (ср. Окружное послание, написанное как раз весной 867 г.: Photii 1983–88. Epistulae. Vol. 1. 1983. Ep. 2: 101–204), а простое систематическое изложение традиционного учения Восточной Церкви о Св. Троице. Зато XVI гомилия содержит несколько подчеркнуто негативных отзывов в адрес Сардикийского собора 343 г. Между тем, именно на 10 правило этого собора ссылался папа Николай I в ответе на интронизационное послание Фотия, который доставили в Константинополь легаты Родоальд и Захария осенью 860 г. (Nicolai epistula 3: 168A–C). Это правило запрещает рукополагать священниками и епископами лиц, не прошедших испытание в предыдущем сане в течение достаточного времени. Фотий, как, впрочем, и его предшественники и родственники Тарасий и Никифор, был поставлен из мирян. Поэтому более вероятным представляется, что сознательная дискредитация Сардикийского собора представляла собой скрытую полемику с конкретным каноническим аргументом папы, предназначенную, в частности, для присутствовавших тогда в столице легатов. В таком случае нужно предполагать, что пять гомилий были произнесены в течение Великого поста 861 г. с 23 февраля по 23 марта, то есть XV и XVI — 2 и 9 марта соответственно. Собор, скорее всего, открылся между Пасхой и Пятидесятницей того же года, т. е. между 6 апреля и 26 мая.

Н. Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия)

СИЛА СТОПЫ. РОЛЬ НОГ И СЛЕДОВ В ВИЗАНТИЙСКОМ НАРОДНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

Среди многочисленных чудес, совершенных святым Феодором Сикеотом, игуменом Сикеонского монастыря и бывшим епископом Анастасиопольским (ум. 22 апреля 613 г.), три заслуживают особого внимания. В житии святого речь идет об исцелении больных, страдавших от паралича конечностей и, соответственно, лишенных возможности двигаться. Св. Феодор избавил их от недуга не только силой молитвы. Во всех случаях он ставил свою ногу на тело больного, в частности, на грудь и колени. Такого рода прикосновение заставляет думать о смысле совершаемого ритуала и том комплексе представлений, который был с ним связан. Надо полагать, описанное действие отражало не только индивидуальные воззрения агиографа, желавшего показать безграничные возможности святого, но и той аудитории, которой было адресовано житие. По этой причине данное явление следует рассмотреть не как агиографический топос, а как элемент мифо-ритуального континуума, который связан с религиозным осмыслением специфики различных частей тела человека, в частности, нижних конечностей.

Этнографические и фольклорные данные свидетельствуют о развитой мифологизации ног в народной культуре. Они символизируют движение и путь, получают осмысление в силу своей принадлежности к материально-телесному низу человека и хтонической сфере. Как пограничная часть тела наделяются функцией медиатора. С ногами связана такая реалья как «след», выступающая метонимической заменой человека или другого существа. Отпечаток ступни на какой-либо поверхности представлялся неотделимым от самого человека, его символическим заместителем и в качестве такового являлся объектом ритуально-магических действий, таких как порча, целительство, любовная ворожба, направленных на переориентирование дороги, пути, судьбы того, кому принадлежит след.

Традиции почитания ног и их отпечатков хорошо известны и уходят корнями в «глубокую древность». В Индии известны изображения стоп Будды и Вишну. В исламе почитаемы отпечатки ног Авраама и, разумеется, Мухаммада. В дохристианском мире греко-римского времени существовал культ ноги, изображения которой рассматривали как амулет, обладающий апотропеической силой, о чем писал еще Плиний. Стопы могли ассоциироваться с разными божествами, к примеру, Гермесом и Приапом. Однако более всего данный культ был связан с Сераписом, богом плодородия, подземного мира и исцеления. Верили, что правая стопа Сераписа имела исцелительную силу. По рассказу Тацита, Веспасиан, бу-

дучи в Александрии, исцелил увечного человека, наступив ему на больную руку. Действо было совершено по указанию Сераписа, который таким образом сделал принцепса исполнителем своей воли. Изображения стоп Сераписа изготавливались в разных вариантах — от маленьких фигурок до больших скульптур и использовались в качестве амулетов. В этом же качестве могли функционировать глиняные или бронзовые лампы, которые делались в виде ступни, одетой в сандаль. Будучи помещаемы в погребения, они не только освещали путь в иной мир, но и отгоняли от умерших злых духов. В этом качестве лампы в виде стопы были заимствованы христианами, которые могли символически связывать их со словами псалма: «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118:105). Еще один аспект культа ноги имеет отношение к паломничествам и почитанию реликвий. Изображения стоп на могильных плитах и памятниках могли означать успешное совершение паломничества при жизни и одновременно выражать надежду на столь же успешное путешествие в мир иной, в вечность. В этой связи следует напомнить о таких популярных объектах паломничества как отпечатки ног Христа в Иерусалиме — в претории Пилата и в церкви Вознесения. В дальнейшем к числу сакральных локусов подобного рода добавились почитаемые в разных странах следы Богоматери, апостолов и святых, составляющие весьма внушительный фонд петросоматоглифики.

Деяния св. Феодора Сикеота, попиравшего ногами больных людей с целью их исцеления, несомненно, принадлежат к той архаичной традиции мифологизации и даже сакрализации нижних конечностей человека, о которой шла речь. Однако процесс переноса свойств стопы Сераписа на ногу христианского святого вызывает вопросы. Прежде всего, о наполнении данного феномена христианским смыслом, который должен был исключить языческие коннотации явления. Поиск в этом направлении ведет к инструментарию агиографа, который, создавая образ святого как носителя божественной благодати, должен был вызвать ассоциации различных его черт и способностей с сюжетами и персонажами Священного Писания, известными пастве. В случае с ногами это также имело место. Св. Феодор, ставя ногу на паралитика, недуг которого мог рассматриваться как следствие действий демона или колдовства, что отражено в житии, претворял в жизнь аллегорию из популярного псалма: «На аспида и василиска наступишь; попирашь будешь льва и дракона» (Пс. 90:13), то есть побеждал зло. Вместе с тем святой ассоциировался с учениками Христа из числа семидесяти апостолов, которым Спаситель дал особую власть: «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам» (Лука. 10:19), что также выражало власть над злом и нечистой силой. Завершая, следует отметить, что приведенные тексты не раскрывают всю сложность ритуала, в котором присутствовала специфическая «магическая сфрагистика». Чудотворная стопа святого, возвращая к жизни обездвиженное тело, запечатлевала, удостоверяла его специфическую силу и власть, которые были связаны не только с молитвой, но и с результатом самого действия, что вполне соответствовало восприятию и ожиданиям рядовых прихожан и в принципе любой аудитории жития.

М. Н. БУТЫРСКИЙ

Государственный музей Востока
(Москва, Россия)

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

**ЭКСПЕДИЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СИРИЮ И ПАЛЕСТИНУ
НА СТРАНИЦАХ ПЕРЕПИСКИ
Н. П. КОНДАКОВА И И. В. ПОМЯЛОВСКОГО²**

Экспедиция Православного Палестинского общества на Ближний Восток задумывалась с конца 1880-х гг. Во главе её был поставлен Н. П. Кондаков, который подбирал остальных участников, обращая особое внимание на их научную и профессиональную подготовленность. Обработку античного материала, прежде всего, надписей Кондаков намеревался возложить на И. В. Помяловского, незадолго перед тем избранного членом-корреспондентом Российской академии наук (1890 г.).

Филолог-классик, эпитафист и археолог Иван Васильевич Помяловский был ровесником Кондакова (старше его на один год) и к началу 1890-х гг. являлся видной фигурой в отечественном антиковедении, автором исследований по археологии Святой Земли, публикатором текстов ранневизантийского времени. Письма к нему Н. П. Кондакова, хранящиеся в отделе рукописей РНБ (г. С-Петербург), показывают степень доверительности общения замечательных русских учёных, с большим уважением относившихся друг к другу.

И. В. Помяловский в силу ряда причин был вынужден отказаться от участия в экспедиции, и в письме от 3 августа 1891 г., уже накануне отъезда, Н. П. Кондаков ему написал: «Ваш отказ, конечно, поразил меня... Вследствие Вашего отказа, быть может, самая поездка изменит свой характер: она лишится известного достоинства, веса, апломба... Я не вижу причин, почему бы Вы, отказываясь теперь, под влиянием нездоровья, не могли принять участие потом, например, приехав в Иерусалим ... на три месяца. Конечно, это не будет возмещением Вашей доли, но Вы положите основание Вашему ознакомлению с Палестиной и, если состоится вторая поездка, будете в ней участвовать... Может быть, Вы захотите принять участие впоследствии, в обработке материалов ...».

В следующем письме, отправленном из Иерусалима 7 ноября 1891 г., Н. П. Кондаков подробно делится своими размышлениями и переживаниями о прерванной

² работа выполнена в рамках научного проекта, поддержанного грантом РГНФ.

до срока экспедиции: «Трудно было бы передать Вам моё негодование: раз сдвинувшись с места, раз истратив столько времени, трудов и денег, не иметь возможности закончить как следует начатое дело — как же не волноваться?.. Вы, вероятно, ожидаете от меня сведений о результатах экспедиции, но я только что кончил донесение Великому князю, и мне было бы тягостно повторять. И, кроме того писать об этом заранее похоже на похвальбу — тем более, что у нас набралось много всякой всячины, фотографических снимков более 500, рисунков и планов более 100, акварелей и пр. Надписей списано и снято более до 150. Главная работа была в Гаурани и двух городах Заиордания — Герасе и Аммане. Большие фотографии необыкновенно хороши, ничего подобного не было — все фотографии Dumas мерзость ... Кто разработает весь этот материал? Надеюсь grimo на Вас, Смирнова и Редина ... здесь мы все о Вас постоянно вспоминаем, а я так и прямо вздыхаю, когда читаем о Гробе и толкуем вкрявь и вкось. Серьёзно, очень жаль, что Вы не приехали в Иерусалим».

В последующих письмах Н. П. Кондаков постоянно возвращается к вопросу об участии, в той либо иной форме, И. В. Помяловского в обработке материалов экспедиции, считая его чрезвычайно важным: «мне было бы истинно приятно хотя бы в печати иметь Вас товарищем экспедиции» (письмо от 10 октября 1893 г.). Имя Помяловского Н. П. Кондаков видит и в числе авторов «Отчёта учёной экспедиции Императорского Православного Палестинского общества», о напряжённой работе над которым он постоянно оповещал своего адресата в течение нескольких лет. Эти письма пестрят очень личными замечаниями подобным этим: «Ещё тяну главу об Иерусалиме, в частности, о Гробе Господнем... хотя вопрос трудный и сложный. Я думаю, что понял, наконец, «Паломницу»...» (письмо от 24 января 1894 г.); «... показания Сильвии для меня ясны вполне, как показания вполне точные, свидетеля-очевидца, а не компилятора... Но вот пункт о том, какого рода сооружение Константина было над Анастасисом, меня терзает уже более года, и я ни к чему не могу прийти» (письмо от 11 февраля 1894 г.).

Переписка необыкновенно богата содержанием, в ней помимо сведений о научных занятиях Н. П. Кондакова много живой и колоритной информации об академической среде Петербурга, оценочных замечаний как об учениках и коллегах (в первую очередь, Я. И. Смирнове, также участнике экспедиции на Ближний Восток), так и функционировании всей академической научной системы России конца XIX в., что придаёт ей ценность первоклассного исторического источника.

КТО СИДЕЛ В ХЕРСОНСКОЙ ТЮРЬМЕ ОКОЛО 1000 ГОДА?

Комплекс цистерны в квартале VII, открытый в 2002 г., следующей зимой был засыпан, поэтому наша аутопсия его надписей свелась к двум кратким посещениям летом 2002 г., без возможности измерения и фотографирования. Во время них мы выделили на стенах цистерны 14 надписей-граффити, не считая одиночных букв. В своей публикации А. Бжустковска вообще не отметила надписи 1, 4, 7 и 13. Кроме того, она нигде не дает полной расшифровки надписей, ограничиваясь лишь передачей текста маюскулом и переводом.

Все надписи относятся к тому короткому периоду, когда цистерна была превращена в тюрьму (конец X — первая половина XI в.). Возражения против предположения об использовании цистерны как тюрьмы опровергаются надписями 10, 14 и особенно 2. Большинство их — это короткие граффити: имена (надписи 1, 3, 4, 7; ономастикон сводится к самым распространенным христианским именам: Михалис, Никола, Георгий), прошения «Господи, помоги» (9, 11, 13) или формула «Иисус Христос побеждает» в качестве подписи к рисункам креста (6, 13). Смысл надписи 12 неясен. Относительно пространными являются лишь надписи 2, 8, 10 и 14.

№ 2. Ὡ ἔρανε, δεηθέντες σου, / πηστ (οὔ) διφ [έ]νσορος / Σεβες (τιανού?) [Μ]ανιάκου / ἐναγόμε (θα) τοῦ / τὰ ἔρημα, / Μεσεβρηανὸ Θω / μ [ἄ]ς, Σωφρέβις, / Τεγγαλμαγε, / Σουγαλμαγε.

О залог наш, мы, молящие тебя, верного защитника нашего Севастиана (?) [М]аниака, обвиняемся в ..., месембр [u]йцы Фома, Софребий, Теггалмаге, Суггалмаге.

Надпись № 2 А. Бжустковска оставила без перевода, констатировав лишь то, что она выполнена греческими буквами с возможным применением кириллицы в концах 7-й и 8-й строк. Действительно, текст ставит перед исследователем некоторые сложности, заключающиеся и в том, что 5-я и 6-я строки повреждены новым граффито, и в том, что некоторые слова в нем даны в сокращении. Это связано с его характером — черновиком письма, которое должны были затем переписать на другом писчем материале.

Письмо это адресовано византийскому чиновнику — дефенсору, представителю знатного рода Маниаков, хорошо известного в начале XI в. Причиной написания письма стало обвинение его отправителей в каком-то преступлении, связанном с пустынными местами (?), из-за чего они, по всей видимости, и попали в херсонскую

тюрьму. Эпитеты, обращенные к адресату, указывают на тесную связь отправителей с ним; возможно, письмо должно было быть отправлено в Константинополь.

Отправителями письма выступают четыре месемврийца (отметим, что этот астионим как будто написан другой, менее грамотной рукой), т. е. жители Месемврии (совр. Несебр в Болгарии), из которых только первый носит обычное христианское имя Фома — остальные имена негреческие и нехристианские. Имя Софребий может быть сопоставлено с современным адыгским именем Софербий. Два следующих имени имеют одинаковую структуру со вторым элементом –*almage*, который явно восходит к широко распространенным тюркским именам на *Alma*- и может быть сопоставлен с именем Алмаджи. Первый элемент *Tegi-* также встречается в тюркских именах, в то время как элемент *Sugi-* четкой параллели не находит. Сходство двух уникальных имен указывает, вероятно, на то, что их носители были братьями.

№ 8. + Τοῦτ [ο]. Ὁ τόπος. Τὸν / ζῶντα. Ὁ τάφος.
Это. Место. Живого. Могила.

№ 10. Τοῦτο [i]ς π [ρ]οσόδην [. 4.] / Τὸν ζῶντα εἰς τὴν [γῆν] / ὁ τάφος τὸν φίλον [- - -] / ὁ δοκυμαστής κὲ τ [- - -] / ἐχθρόν ἢ τέλψης ἦ σπ [- - -] / σπατάλην κὲ χαρὰν [- - -] / παντὶ φίλῳ σου ν [. 4.].

Живым в [землю (?)]... Могила друга... Следователь и... Врага удовольствие, которое... Торжество и радость... Всякому другу твоему...

Надпись № 8 представляет собой черновую запись первых слов в строках стихотворения из надписи № 10: по какой-то причине в последней была опущена строка, начинающаяся с Ὁ τόπος. А. Бжустковска верно отметила, что повреждение правой части надписи № 10 не позволяет с точностью установить длину строк. Однако из сохранившегося материала несомненно, что надпись содержала додекасиллабическое стихотворение (с цезурой после третьей стопы) и предварялась заголовком (1-я строка). По смыслу оно распадается на два четверостишия (в первом одна строка, начинающаяся с Ὁ τόπος, оказалась потеряна). Первая часть говорит о том, что друг (автор?) попадает под землю (?) и в руки следователя, как будто заживо в могилу. Во второй половине стихотворения герой торжествует над врагом. Слово τέλψις — явно, искажение слова τέρψις.

№ 14. + Κήρηε, ἐπό-/ ρνοσα-/ {α} ᾄδε / συχνοῦς / ἀνδ-/ ρῶν.
Господи, блудил я здесь часто с мужчинами.

Арестанты в херсонской тюрьме не только оплакивали или обжаловали свое несправедливое заключение, но и, видимо, раскаивались. Такой характер имеет незаконченная надпись № 14, где автор признается в том, что блудил, то есть в тюрьме, с мужчинами, — редкое и интересное свидетельство о гомосексуализме в византийских тюрьмах.

Н. В. ГИНЫКУТ
Заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА И ЕЕ ИМИТАЦИИ ИЗ РАСКОПОК ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

Поливная керамика является массовым археологическим материалом при раскопках для крепостей и городов Таврики XIV–XV вв., однако материал в основной массе своей имеет широкие даты, и для их сужения хроноиндикатором часто выступают малочисленные группы поливного импорта, имеющие специфические особенности в морфологии или декоративном оформлении. Для памятников XIV столетия Крымского полуострова такими индикаторами наряду с группами восточного и западного импорта выступают материалы из Византии или находящихся под ее влиянием центров. О значении византийского импорта для региона уже не раз говорилось в работах исследователей. Многообразие в формах и орнаментике так называемой «византийской керамики» наблюдается и среди материалов крепости Чембало. Эта керамика регулярно поступала в регион, и часть ее непосредственно оседала в самой крепости. В контексте рассматриваемой проблематики, среди различных групп «византийского материала» привлекает внимание группа кувшинов, подражающих дорогостоящим металлическим сосудам, соединившим в себе латинские и палеологовские традиции, а также группы чаш и блюд с изображением голубя с пальмовой (оливковой) ветвью или же геометрическим и растительным орнаментом. Вся керамика так называемого «византийского круга» имеет специфические черты в составе глиняного теста, его обжига и поливного покрытия; в морфологии сосудов; в орнаментике — наборе декоративных элементов и технике исполнения в сочетании «champlevé» и «sgraffito» (широким и узким резцом).

Однако, вместе с керамикой так называемого «византийского круга», в археологических слоях второй половины XIV — первой половины XV вв. крепости Чембало, встречаются сосуды, сформованные из характерной местной глины, но морфологически и орнаментально (включая технику исполнения) схожие с группами византийского импорта, таким образом, имитирующие вышеуказанные группы посуды. Аналогичность глиняной массы и поливного покрытия сосудов чембальского производства с местной керамикой, позволяет также отнести эти имитации к локальным мастерским.

Наличие нескольких мастерских, выпускающих схожую в морфологии и декорировке посуду, характерно для византийских керамических производственных центров XIV в. Показательными примерами этого процесса являются мастерские в Константинополе и Фессалониках XIV столетия. Множество локаль-

ных мастерских по производству поливной керамики существовали и в регионах, испытывающих на себе разную степень влияния Империи. Но для каждого такого региона существовал свой доминирующий «набор декоративных и морфологических элементов (например, в Западном Причерноморье). Такую же картину мы наблюдаем и среди производственных центров Таврики второй половины XIV — первой половины XV в. Таким ярким примером является сравнение так называемого «византийского импорта» с его местными, локальными аналогами. В этом случае, мы можем уверенно говорить не только об определенном «влиянии времени» и тенденциях во вкусах для посуды данной местности, но и сохранившихся культурных византийских традициях данного региона.

А. А. ЕВДОКИМОВА
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)

НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ ИЗ КАППАДОКИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗИНДАНЬОНЮ 1 И ЗИНДАНЬОНЮ 2 (УЗУМЛЮ-КИЛИСЕ)³

В ответвлении долины Мешкендир 1, Зинданьоню во время археологических прогулок с Бобровским Т. А. и Чуевой Е. Е. в сентябре 2010 года, был исследован комплекс с крутыми лестницами и полузасыпанная церковь с фресками (св. Георгий на белой штукатурке) — церковь Зинданьоню-1. Надписей немного. Красной краской надпись с украшательными элементами по традиционной формуле, при этом сознательно незавершена, так как обведена по контуру (длина надписи 50 см). И мелкие граффити, тоже недописанные, но по 5 см длиной. Среди маленьких встречается и «Α/Χρ», где «ρ» явно минускульного начертания. И фрагмент с ударениями, написанный минускулом «τ̄ δ̄λοN».

В комплексе Зинданьоню-2 (Узумлю-Килисе, церковь св. Симеона Столпника) около 90 граффити. Среди них встречаются как короткие, так и пространственные тексты. Часть надписей, схожих по формулам и палеографии, сопровождается рисунками святых. Много женских надписей, от этого в некоторых из граффити возникает путаница родовых окончаний в местоимениях.

Помимо традиционной формулы «ΚΕ ΒΟΝΘΝ» авторы многочисленных граффити этого памятника используют и ряд других, например: «Ο ΠΑΤΗΡ ΚΕ ΥΙΟΣ ΚΕ ΑΓΗΘΝ ΠΝΕΓΜΑ ΣΟΣΟΝ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΟΥ», «ΑΝΑΓΗΝΘΣΚΟΝ ΕΥΧΕΣΤΕ ΥΠΕΡ ΕΜΟΥ». Частотно употребление формулы «ΣΟΣΟΝ ΜΕ» как в качестве основной в граффито, так и вспомогательной к традиционной.

³ Анализ и разбор собранных в этих прогулках материалов по представленным в тезисах памятникам произведен в рамках гранта РФФИ № 13–06–00086 «Данные эпиграфики как объект лингвистического и историко-культурного анализа»

Встречаются надписи с дательным падежом после «КЕ ВОНОН», а не уже привычным для этого региона винительным. Частотных «ошибок» орфографии (замен) много. Представлен весь спектр вариантов замен, вызванный итацизмом, но чаще всего «η» пишется вместо «ι». Монофтонгизация дифтонгов также находит широкое отражение и не только частотным «κε» вместо «κι». Традиционное использование «ο» вместо «ω» и наоборот в ряде надписей зависит от слов, в которых представлено. Так «ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ» обычно пишется в приведенной орфографии. Но есть и более редкие варианты написания привычных для такого рода граффити слов: «ΠΝΕΓΜΑ» вместо «ΠΝΕΥΜΑ», «ΚΥΡΗΕ» / «ΚΟΙΡΙΕ» / «ΚΥΡΗΝ» / «Κ̄ Η» или «Κ̄ · ΡΗΕ» вместо «Κ̄ · » или «ΚΥΡΙΕ».

Имен в надписях сохранилось много, приведем лишь некоторые из них в оригинальной орфографии: «ΘΕΟΔΟΤΟΝ», «ΞΗΦΑΝΚΑΛΟ», «ΕΦΡΟΣΥΝΗΝ», «ΠΑΝΤΕΛΕΝΜΟΝ», «ΘΕΟΦΑΝΗ», «ΝΗΚΗΤΑ», «ΓΑΒΡΙΛΑ», «ΦΙΛΙΠΟΣ», «ΠΕΤΡΟΣ», «ΛΕΟΤΑ», «ΚΟΝΣΤΑΝΤΗΝ», «ΑΝΤΟΝΗΝΑ». Однако есть надписи, где имя не утеряно, а умышленно опущено и заменено молитвенной формулой.

Палеография: есть архаизирующие надписи, написанные маюскулом, в которых встречается «α» с ломанной гаской. Другой тип надписей округлые большие буквы, почти геометрически правильные, напоминающие своей палеографией надписи римских декретов, только с лунарными сигмами, округлыми альфами. Третий тип буквы с наклоном, часть из них минускульные, включение минускульных сокращений. Любопытно, что ни один из типов не копирует по палеографии надписи, нарисованные краской и относящиеся к фрескам.

Датированных надписей в обоих памятниках нет, хотя одно из граффити из Зинданью-2 заканчивается следующим текстом: «ΕΓΡΑΨΕΝ ΤΑ ΜΗΝΗ ΦΕΒΡΟΥΑΡΙΟΥ». Анализ палеографии граффити дает слишком широкие границы для датировки.

Л. М. ВСЕЕВА

Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева
(Москва, Россия)

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ДЕКОРАТИВНЫЕ МОТИВЫ В МОЗАИКАХ МОНРЕАЛЕ

Мозаичный ансамбль собора бенедиктинского монастыря Монреале, исполненный византийскими мастерами (1180–1189), богат декоративными мотивами, необычными для монументальной живописи Византии XI–XII вв. Один из самых самостоятельных — повторяющиеся изображения крупных ваз типа кратира с исходящими из них стилизованными побегами. Изображения ваз помещены в центральном и боковых нефках над 18 колоннами, которые поддерживают раз-

деляющие нефы аркады. Исходящие из ваз орнаментированные побеги огибают края арок. Изображения ваз несли в себе евхаристический смысл — причастные сосуды раннего христианства имели форму кратора.

Вазы типа кратора с исходящей виноградной лозой входили в мозаичную декорацию ранних христианских храмов Италии V–VI вв., где также помещались над колоннами, служащими основаниями арок. Данный декоративный мотив не получил распространения в византийской монументальной живописи. Однако он известен в средневековых росписях Италии: фрески 1072–1085 гг. монастырской бенедиктинской церкви Сант’Анджело ин Формис. Росписи повторили иконографию, темы и мотивы мозаик и фресок базилики и атриума древнейшего бенедиктинского монастыря Монтекассино, отстроенных к 1071 г. аббатом Дезидерием. Архитектура и убранство монастырской базилики и ее атриума воплотили программу аббата по возрождению славы и искусства Рима первых веков христианства. Эти новые формы распространялись и в другие бенедиктинские церкви и обители Италии, включая и Рим.

Присутствие мотива ваз с исходящими из них стилизованными побегами в соборе Монреале свидетельствует о том, что декоративная программа его мозаик была предложена византийским художником заказчиком ансамбля — бенедиктинским монастырем.

Другой заметный декоративный мотив мозаик Монреале — самостоятельное изображение, вне сюжетных сцен, высоких деревьев, преимущественно пальм. Они представлены по сторонам арок трансепта и на триумфальной арке, где свободно чередуются с фигурами мучеников. Все 14 деревьев в Монреале изображены в том же стилистическом ключе и образности, что и 19 столь же самостоятельных деревьев в мозаиках Палатинской капеллы (1143–1150). Содержательный аспект этих мозаичных «садов», где деревья перемежаются фигурами апостолов и святых мучеников, ясен — перед нами обозначение Рая. Изогнутые стволы и как бы разметенные ветром листья создают впечатление почти эмоциональной взволнованности растений, их стихийной энергии. И они не схожи с изображениями деревьев в сюжетных композициях мозаик, которые представлены в характерной условной манере византийской живописи XI–XII вв.

В живописи V–VI вв. иллюзионистическое изображение растений и, в частности, деревьев, было распространено. Об этом свидетельствует описание росписей церкви Св. Сергия VI в. в Газе. Представление об этой древней церковной декорации дают украшения древнейших мечетей в Иерусалиме и Дамаске, исполненные в VII в. византийскими мастерами. Более скромны по своим формам и менее многообразны изображения деревьев в мозаиках Равенны и Рима V–VI вв. Этот живой мир растений ушел из византийской церковной живописи после победы над иконоборцами, которые широко использовали изображения деревьев в церковной декорации.

Пальмы Монреале натуральностью своего вида близки мозаикам VI в. в апсиде римской церкви Санти Косме э Дамиано. Этот мотив появляется в обновленном

виде в римских мозаиках XII в. и ансамблях Южной Италии. Изображение в монументальном искусстве и каменной резьбе Италии масштабных деревьев и других растений, наделенных ярко выраженной витальностью, вызвана, по мнению исследователей, своеобразным Ренессансом романского искусства XII в., одним из отличительных качеств которого является «растительный символизм». Изобразительный мотив дерева в Монреале также связан с этой особенностью итальянской романики и его включение в систему декорации монастырских мозаик явно входило в условие заказа.

Таким образом, присутствие мозачных деревьев и в Монреале и Палатинской капелле, правдоподобие вида пальм и отдельных листовенных пород, как и их самостоятельное, независимое от сюжетных композиций размещение, необычное для византийской храмовой декорации XII в., вызвано отнюдь не популярностью изображения деревьев в мусульманском искусстве, к которому короли Сицилии проявляли известную склонность (как считают отдельные ученые), а своеобразным Ренессансом романского искусства XII в.

Изображения деревьев в мозаиках Монреале, как и декоративный мотив ваз типа кратира с исходящими из них стилизованными побегами, являются частью общей иконографической программы мозаичного ансамбля собора, в задачу которого входило характерное для бенедиктинского искусства возрождение в новом качестве декорации ранних христианских базилик. Усилиями византийских художников мозаичное убранство Монреале явилось наиболее адекватным выражением этой идеи среди монументальных живописных ансамблей средневековой Италии.

И. А. ЗАВАДСКАЯ

Крымское отделение Института востоковедения
(Симферополь, Россия)

ЭТАПЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ «НАРОДА ФУЛЬСКОГО» ПО МАТЕРИАЛАМ КУЛЬТОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ГОРОДИЩЕ ТЕПСЕНЬ

В Пространном Житии св. Константина Философа упомянут «народ фульский», который будучи крещеным, поклонялся большому дубу, срощемуся с черешней. Константин Философ во время своего пребывания в Крыму в 861 г., «не пожалев трудов», направился к этому народу и помог ему избавиться от нечестивого обряда, уговорив срубить и сжечь дерево. Нет сомнений в том, что «народ фульский» проживал там же, где находились Фулы, центр Фульской епархии, известные по ряду письменных источников. Однако точная их локализация до сих пор остается предметом оживленной дискуссии. Среди множества высказанных предположений наиболее обоснованным явля-

ется то, согласно которому Фулы находились на плато Тепсень, около Коктебеля, между Феодосией и Судаком (Кропоткин 1958; Айбабин 1999: 207; Майко 2002; Майко 2004: 11–17; Флоря 2000: 76–77; Цукерман 2010: 426; Завадская 2012). Поселение на Тепсене существовало примерно с середины VIII в. до середины X в. (Майко 2004: 55, 276–277). Раскопки в разные годы проводили Н. С. Барсамов (1929–1931), В. П. Бабенчиков (1949–1954), М. А. Фронджуло (1954–1963) и В. В. Майко (1997–2001). Исследователи относят этот памятник к т. н. крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, которая была создана, главным образом, тюрками-болгарами, заселившими значительную часть Крыма в эпоху господства Хазарского каганата. В нотиции 3 это население названо хотцирами, а в упомянутом Житии св. Константина Философа — «народом фульским».

Локализация Фул на плато Тепсень подтверждается, прежде всего, свидетельствами достаточно активного культового строительства. На раскопанной территории, составляющей не более 5% всего городища, выявлены руины нескольких христианских церквей. Наибольший интерес представляет открытый в центральной части городища большой церковный комплекс, который состоял из строительных остатков нескольких периодов. Исследователи не имеют единого мнения по поводу их атрибуции и периодизации. Анализ стратиграфических данных по материалам раскопок В. П. Бабенчикова позволяет выделить три основных строительных периода, которые, на мой взгляд, отражают важные этапы христианской истории Тепсеньского городища.

Самым ранним сооружением на данном участке была трехапсидная трехнефная базилика без нартекса, построенная, вероятно, не ранее середины VIII в. Базилика была перекрыта деревянными стропилами и черепицей. По архитектурному типу, размерам и конструктивным особенностям она аналогична двум храмам, открытым на салтово-маяцких поселениях VIII–IX вв. около с. Поворотное и с. Гончарное в Юго-Западном Крыму (на территории средневековой Готии). Сооружение однотипных церквей в Восточном и Юго-Западном Крыму, вероятно, является результатом активной византийской политики христианизации нового местного населения, расселившегося на территории, подвластной хазарам, отличавшимся достаточной веротерпимостью.

Следующий (второй) период в истории тепсеньского комплекса связан с появлением кладки из сырцовых кирпичей, сложенных «в елку», в центральной апсиде древней базилики. Некоторые исследователи рассматривали кладку как часть апсиды сырцового храма. Другие считали ее остатками синтрона ранней базилики. Скорее всего, сырцовая кладка является свидетельством перестройки ранней базилики местными строителями не ранее конца VIII — начала IX в. В IX в. идеологическое влияние Византии ослабевает в этом регионе, что, в частности отражает и Житие св. Константина Философа.

Третьему строительному периоду принадлежат остатки Тепсеньской большой базилики, построенной на руинах ранней церкви. Большая базилика имела

три апсиды, три нефа и нартекс. Ее размеры: 37,5 x 21,0 м. Она является одним из крупнейших храмов средневекового Крыма и уступает лишь трем ранневизантийским базиликам Херсонеса. А среди крымских церквей IX–X вв. ей не было равных по размерам и монументальности. Кроме того, Тепсеньская большая базилика являлась единственной, уникальной сводчатой базиликой в Крыму. Скорее всего, именно она могла быть первым кафедральным храмом Фульской епархии. На основании анализа писем (68 и 106) Константинопольского патриарха Николая Мистика, К. Цукерман сделал вывод о том, что Фульская епархия была образована при активном участии патриарха и архиепископа Херсонского в 920 г. (Цукерман 2010: 421–424). Можно предположить, что Константинопольский патриарх также инициировал возведение кафедрального храма молодой епархии.

Потребность в просторных церквях, способных объединить всю общину, возникла в регионах, где шел процесс массовой христианизации. Ярким примером может служить церковное строительство Первого Болгарского царства, в котором христианство утвердилось как государственная религия в 865 г. при царе Борисе I (Михаиле).

Наиболее близкие аналогии Тепсеньской большой базилике находятся в Преславе. Среди них Дворцовая церковь, Владетельская церковь, базилики в местности «Гебе клисе», Сакалова могила и Стамбол йолу. К числу наиболее близких аналогий тепсеньской церкви принадлежит также базилика в Дуросторуме, построенная как кафедральная церковь при первом епископе Дуросторума Николае (с 870 г.) (Атанасов 2008: 104–113). Также как и Тепсеньская базилика, эти церкви имели три апсиды, три нефа, перекрытых сводами, и один одночастный нартекс. На основании общих черт С. Дончева объединяет болгарские базилики в единую группу (Дончева 2011: 126–128). Именно этому кругу архитектурных памятников принадлежит и Тепсеньская большая базилика. По размерам она уступает лишь Владетельской церкви (42,1 x 21,1 м). По общим пропорциям плана наиболее близкой является Дуросторумская базилика. Данные архитектурные аналогии позволяют вполне определенно говорить о том, что в строительстве Тепсеньской большой базилики принимали участие болгарские мастера, скорее всего, из столичного Преслава.

Таким образом, созданная усилиями Константинопольского патриарха и Херсонского архиепископа Фульская епархия при строительстве кафедральной церкви обратилась к опыту Болгарии, немногим ранее пережившей процесс утверждения христианства в качестве государственной религии. Базиликальная архитектурно-планировочная композиция оказалась наиболее приемлемой на этапе становления молодой церковной организации.

М. А. КУРЫШЕВА

Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

**О ДАТИРОВКЕ РУКОПИСИ ХРОНИКИ
ПРОДОЛЖАТЕЛЯ ФЕОФАНА — VAT. GR. 167
(предварительные наблюдения)**

Полный текст византийского исторического памятника X в. — хроники анонимного автора, т. н. Продолжателя Феофана, охватывающего период византийской истории с 813 до 961 гг., — дошел до нас в двух рукописях, хранящихся в Ватиканской библиотеке. Один из манускриптов — *Barberinianus graecus 232* — относится к XVI в. и является копией с более древнего — *Vaticanus graecus 167*, который в литературе принято датировать XI столетием. Первый издатель текста Ф. Комбефис в 1685 г. опубликовал сочинение Продолжателя Феофана по более поздней вторичной рукописи. Это издание было без изменений перепечатано в Боннском корпусе (*Theophanes Continuatus/Ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838* [CSNB; 48]), с которого был сделан русский перевод этого памятника (Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Перевод, статья, комментарии Я. Н. Любарского. М., 1992).

Единственная аутентичная рукопись хроники, таким образом, до сих пор не опубликована. По более древней рукописи сделано лишь критическое издание Книги V Продолжателя Феофана «Жизнеописание Василия» (*Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur/Rec. I. Ševčenko. V., 2011* [CFNB; Series Berolinensis, XLII]). Издатель «Жизнеописания Василия» И. Шевченко обоснованно указал на необходимость издания текста хроники именно по древней рукописи, привел две иллюстрации начала и конца текста (л. 72 об. и 124). В своем издании он определил датировку *Vat. gr. 167* как «ранний XI в.», ссылаясь на работу С. Сервенти (*Serventi S. Il Vat. gr. 167, testimone della Continuatio Theophanis, et marginalia di un anonimo lettore bizantino//Aevum: Rassegna di scienze storiche linguistiche e filologiche. 75 (2). 2001: 267–302*).

С. Сервенти в специальной статье подробно излагает историю появления кодекса в Ватиканской библиотеке, по его мнению, с 1475 г., и осторожно датирует рукопись 1010–1050 гг. Он дает развернутую характеристику кодикологии (хороший пергамен, небольшой формат 237 x 170, 38 строк на странице, система разлиновки — 1, тип — 32 C1, наличие сигнатур тетрадей маюскульными буквами в левом нижнем углу первого листа каждой тетради), палеографии и многочисленных разнообразных маргиналий. Сервенти приводит два листа рукописи в качестве иллюстраций (tav. 1, 2: л. 7, 124 об.). Он выделяет в рукописи трех писцов: написавшего всю рукопись основного (A), и двух других (B)

и (С), написавших по несколько строк на двух листах: соответственно на л. 7, стк. 7–38, и на л. 56 об., стк. 1–6.

Сервенти подчеркивает сложность датировки почерка основного писца А, который по его определению пишет т. н. «жемчужным письмом» (*Perlschrift* имеет длительный период существования с середины X в. до конца XI в. и в этих пределах с трудом поддается более узкой датировке). Сервенти фиксирует употребление писцом итализмов и почти полное отсутствие сокращений в тексте. Это позволяет исследователю предполагать провинциальное (возможно, южноитальянское) происхождение писца А, указывая на использование такого минускульного письма в южноитальянской среде с конца X в. до примерно середины XII в.

Сервенти признает безусловное константинопольское происхождение писца В, который пишет почерком «типа Ефрем» второй половины X в. Но приведенные Сервенти аналогии такому письму в почерках начала и первой половины XI в., на наш взгляд, ошибочны. Почерк третьего писца С отождествляется С. Сервенти как близкий к письму священника Христулула, написавшего в 1068 г. Четвероевангелие (Vatop. 919), что невозможно проверить, не имея образца этого почерка.

Между тем, насколько можно судить по приведенным в работах С. Сервенти и И. Шевченко иллюстрациям, особенности палеографии рукописи Vat. gr. 167 позволяют по-новому рассмотреть вопрос о её датировке и определить место её создания. Очевидно, что рукопись, содержащая придворные исторические хроники, среди которых обрывающийся на событиях 961 г. текст Продолжателя Феофана — самый поздний, вряд ли могла быть создана вне Константинополя. Дата ее появления в Ватиканской библиотеке так же указывает на то, что она, скорее всего, попала в Италию после взятия столицы Византии турками. Почерк писца А возможно определить как сложившийся *Perlschrift* с такими индивидуальными особенностями, которые наводят на мысль о датировке этого почерка второй половиной X в. — временем становления этого стиля в последние десятилетия X в. Этот почерк по некоторым элементам скорее следует сближать с такими датированными образцами, например, как написанная в 976 г. тремя писцами московская рукопись ГИМ, Влад. 125.

Принадлежность исключительного по уровню каллиграфии почерка писца В к «типу монаха Ефрема» позволяет отнести его к середине — второй половине X в. Следует особенно обратить внимание на небольшой наклон письма вправо и одновременное присутствие в этом почерке таких элементов, как высокая τ и высокая маюскульная γ , маюскульная β , открытая и написанная одним росчерком в лигатуре с другими буквами θ , а также соединение ρ -о при помощи нижней петли. Многочисленные датированные образцы, с которыми можно сближать подобный почерк, восходят по большей части непосредственно к 70–80-м гг. X в. (см. хотя бы: *Lefort L.Th., Cochez J. Album palaeographicum codicum Graecorum minusculis litteris saec. IX et X certo tempore scriptorum, accedunt quaedam exempla codicum saec. XI–XVI*, Leuven, 1932: Pl. 33, 35, 40, 46, 47, 49, 84, 86, 87). Именно вокруг известного константинопольского писца се-

редины X в. монаха Ефрема в среде близких ему писцов в середине — второй половине X в. формировался Perlschrift.

Датировке кодекса второй половиной X столетия не противоречат единственная орнаментальная заставка рукописи Vat. gr. 167, выполненная карминовыми чернилами, и большой в десять строк заголовок, написанный особым коптским стилем унциала. Заставка и заголовок находятся на первом сильно загрязненном листе рукописи, по-видимому, довольно долго существовавшей без переплета (см.: *Ševčenko I. The Title of and Preface to Theophanes Continuatus//Bolletino della Badia greca di Grottaferrata. N. S. 52. 1998:77–93, fig. 1).*

Таким образом, для более корректного и точного палеографического исследования писца А нам не хватает иллюстративного материала и возможности работы непосредственно с рукописью. Однако, часть листа, написанная писцом В, является определяющей: вся рукопись Vat. gr. 167 должна быть датирована второй половиной X и локализована в Константинополе.

Т. В. КУЦ

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ
ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ⁴**

В Византии интеллектуалы традиционно находили себе место на разных уровнях властной системы. Их можно было видеть на высоких должностях в чиновных структурах, на первых ролях в императорском окружении, среди придворной знати или в составе дипломатических посольств. Так или иначе, политический класс империи был не мыслим без присутствия в нем интеллектуалов. Степень их концентрации в среде правящей элиты зачастую зависела от личности самого императора: «философы на троне» охотней привлекали к политическим делам ученых, нежели василевсы, чуждые почитания «семи искусств». Поздневизантийское время особенно показательно в этом отношении: среди императоров дома Палеологов можно встретить и ценителей мудрости, покровительствовавших писателям, и далеких от философских занятий правителей. Но, несмотря на собственный интеллектуальный горизонт, поздневизантийские правители всегда имели в своем окружении интеллектуалов, призванных не только восхвалять их правление, но и участвовать в политической жизни.

Обращаясь к проблеме «интеллектуалы и власть», остановлюсь на анализе интеллектуального окружения правителей из династии Палеологов (Андрони-

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14–01–00025 «Интеллектуалы в составе правящего класса поздней Византии».

ка II, Иоанна V, Мануила II и Иоанна VIII). Опираясь на просопографические изыскания, можно очертить круг людей из числа интеллектуальной элиты, которые находились в непосредственной близости к правившему в тот момент Палеологу. Интеллектуальное окружение разных императоров различалось по масштабу и плотности (в свите Иоанна V ученые представлены намного скромнее, чем у его сына Мануила II), а также уровнем должностей, которые получали приближенные василевсом литераторы. Особенно интересные наблюдения дает сравнение интеллектуальных «миров», центрами которых были Андроник II и Мануил II, славившиеся почитанием наук и покровительством писателям и риторам.

Вхождение интеллектуалов в императорское окружение, которое происходило разными способами, обеспечивало им не только карьерный рост, но и попадание в правящую элиту. Их политическая активность (выполнение должностных обязанностей, участие в дипломатической службе, выступление с публичными речами и пр.), а также близость к императорской фамилии укрепляли их социальный имидж и политический вес. Власть, желала она того или нет, должна была прислушиваться к голосу своей интеллектуальной элиты, представителям которой всегда находилось место в императорском дворце.

В. В. МАЙКО

Крымский филиал Института археологии
(Симферополь, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ СУГДЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

В истории формирования фортификационных сооружений Сугдеи византийского времени можно выделить три основных этапа. Первые два в настоящее время изучены достаточно полно. Последний этап, условно датируемый первой половиной XIII в., до сегодняшнего дня не становился предметом специального исследования.

Фортификационные объекты этого времени пока обнаружены только на так называемом участке квартала I к юго-западу от привратных башен. Здесь прослежены остатки трех куртин, одной полубашни и воротного проема. Все объекты пристроены к первоначальной фортификации и сооружениям второго хронологического периода. Техника кладки отличается небрежностью, все они сложены на глинистом растворе. Толщина кладок не превышает 0,85 м.

Прямоугольная в плане привратная полубашня размерами 2,70 x 3,35 м пристроена непосредственно к первоначальной оборонительной стене. Полностью прослежены только восточная и северная стены сложенные в большинстве из пиленых блоков ракушечника. В кладке северной стены по всей длине присутствует мощная антисейсмическая деревянная балка. Согласно радиоуглеродного анали-

за она датируется третьей четвертью XIII в. В кладке внутреннего панциря восточной стены на высоте 1.10 м от уровня пола в районе северо-восточного и юго-восточного углов прослежены два прямоугольных паза шириной 0.10 м. В эту же кладку вмонтирован и фрагмент византийского надгробья, на рукавах и перекрестье креста которого, помещена надпись с формулой «свет, жизнь». Необходимо отметить, что восточная стена, перекрывая кладку более раннего времени, пристроена к стене, которая, в свою очередь, перекрывает первоначальную оборонительную стену и выступает за ее линию на 0.65 м. Последняя может быть датирована второй половиной X–XII вв. Западная стена описываемой полубашни полностью не сохранилась, однако дата ее разрушения определяется дирхемами золотоордынского хана Токты (1291–1313), обнаруженными при раскопках 1996 г.

К полубашне с запада и востока пристроены две куртины, сложенные в аналогичной технике. Обе они практически параллельны первоначальной крепостной стене и находятся на расстоянии 5–5.5 м от нее. Восточная куртина прослежена в длину на 6.60 м. Далее она была полностью разобрана при сооружении Лоджии (т. н. «Дом с камином») генуэзского времени. На расстоянии 4.60 м от полубашни данная куртина, помимо этого, в верхней части перекрыта канализационным каналом генуэзского времени.

Длина западной куртины составляет 8.05 м. Она соединена с первоначальной куртиной при помощи перпендикулярной кладки, толщина которой, в отличие от остальных стен составляет 0.90 м. Данная кладка, сложенная из крупных пиленых блоков ракушечника, своим внешним панцирем непосредственно пристроена к восточной стене башни второй половины X–XII вв. В кладке внутреннего панциря присутствует крупная тщательно оформленная блоками песчаника ниша. Угол этой кладки и самой западной куртины, вследствие нахождения на краю склона, оказался сильно разрушенным. Сама западная куртина так же сложена из крупных и средних по размеру тщательно подогнанных блоков ракушечника. Как и описанная кладка, вследствие нахождения на склоне, куртина сильно разрушена. Частично сдвинутый в северном направлении внешний ее панцирь затрудняет определение ширины. На расстоянии 3.10 м от западного угла куртины находился воротный проем шириной 0.70 м. Внешние его углы оформлены крупными пилеными блоками ракушечника с пазами для установки воротного полотна.

Судя по археологическому и нумизматическому материалу, а также на основании радиоуглеродного анализа, все рассмотренные фортификационные объекты датируются первой половиной XIII в.

Вероятнее всего, в связи с распадом Византии после 1204 г. и вхождением восточной Таврики в состав Трапезундской империи, пришедшие в ветхость крепостные сооружения Сугдеи, византийская администрация города пыталась приспособить для нужд обороны. Видимо главное внимание было обращено на участок, где во второй половине X–XII вв. находился один из центральных входов в средневековой город. Активно использовались при этом и существовавшие фортификационные сооружения. Стратегическую важность этого участка под-

тверждают и неоднократные попытки его усиления в генуэзское время. Однако серьезным препятствием проанализированные крепостные сооружения вряд ли являлись. По свидетельству письменных источников в 20-е гг. XIII в. Сугдея уже находилась под контролем печенегов. После вхождения в состав улуса Золотой Орды крепостные стены Сугдеи, в том числе и эти, на рубеже XIII–XIV вв. были практически полностью разобраны.

В. Е. НАУМЕНКО

Таврический федеральный университет
(Симферополь, Россия)

К ДИСКУССИИ О ЦЕЛЯХ И РЕЗУЛЬТАТАХ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ХАЗАРСКОЙ» МИССИИ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА

Сведения о путешествии Константина Философа в Хазарию сохранились в его Пространном (Паннонском) Житии (составлено между 869 и 880 гг.) и в так называемой «Итальянской легенде», написанной около 882 г. Гаудериком, епископом г. Веллетри. *Legenda Italica* дошла до нас в переработке церковного писателя начала XII в. Льва Остийского. Известно также «Слово на перенесение мощей преславного Климента» — старославянская версия перевода утраченного греческого сочинения, посвященного открытию и перенесению в Херсон мощей св. Климента, в котором, как сообщают Паннонское Житие и *Legenda Italica*, принял участие сам Константин Философ. В «Слове» эти события имеют точную дату — 30 января 861 г. Таким образом, путешествие Константина в Хазарию, последовавшее вслед за ними, относится, скорее всего, к этому же году.

На основании Пространной редакции Жития, реконструируется маршрут византийской миссии: Константинополь — Херсон — Меотское озеро (Азовское море) и далее «к Каспийским воротам Кавказских гор», где Константин принял участие в «состязании вер» с представителями хазар, иудеев и «сарацинов» (мусульман). Присутствие на диспуте кагана, очевидно, указывает, что местом его проведения была столица Хазарского каганата в устье Волги.

Византийское посольство в Хазарию преследовало, в первую очередь, цели политического и дипломатического характера и лишь затем миссионерские задачи. Решение об его отправке в ответ на хазарское посольство в Константинополь принималось на уровне императора Михаила III (842–867) и патриарха Фотия (858–867).

Причины обращения кагана к Византии до конца не ясны, но общеполитическая ситуация, в которой ответное византийское посольство стало необходимым, может быть в общих чертах реконструирована. Политическая нестабильность в Северном Причерноморье, вызванная с 830-х гг. противостоянием хазар и мадьяр, к середине IX в. еще более обострилась с появлением новой военно-политической

силы в регионе — росов, совершивших в 18 июня 860 г. набег на предместья Константинополя. Даже если последнее событие и не получило большого резонанса в Хазарии, несомненно, что для Византии после прибытия посольства от своего северного союзника представилась возможность не только укрепить свои отношения с каганатом новым соглашением, но и, посредством своих посланников, ознакомиться с реальным балансом политических сил в регионе.

Кроме подтверждения византийско-хазарского союза, о чем свидетельствует письменное послание кагана к императору, результатом миссии Константина стало решение о религиозной неприкосновенности христиан в Хазарии, сопровождавшееся крещением незначительного числа жителей Итиля и фульского народа в Таврике. Такая миссионерская активность византийского посла объясняется не только его принадлежностью клиру, но и находится в общем русле внешней политики империи в 60-х гг. IX в., стремившейся закреплять союзнические отношения с соседними государствами посредством их полной или частичной христианизации.

Еще одним результатом миссии Константина Философа в Хазарию стал совместный византийско-хазарский проект по созданию Готской митрополии с центром в Доросе, сведения о котором сохранились в notiции К. Де Боора. Новая митрополия должна была охватить единой церковной организацией отдельные христианские общины, известные на территории каганата. Выбор Дороса в качестве ее кафедрального центра объясняется не только близостью крепости к византийским владениям в Таврике, но и давними традициями христианства в Готии — своеобразным «правом чести» по отношению к другим епархиям.

Проект Готской митрополии, как и в целом достигнутые в ходе посольства 861 г. договоренности о возрождении союза между Византийской империей и Хазарским каганатом, остались нереализованными. Этому не способствовала, прежде всего, общеполитическая ситуация в регионе. Внутренний кризис в каганате, завершившийся переселением около 870 г. части хазар («кабаров») к мадьярам, в совокупности с активностью последних, подчеркнул слабость союзника Византии, чем она не преминула воспользоваться. С этого момента начинается постепенный процесс восстановления византийского военного и административного присутствия в горных и приморских областях Таврики, завершившийся полностью к концу IX в. После же вытеснения печенегами к 880-м гг. из северо-причерноморских степей мадьяр, империя в своих дипломатических усилиях на юге Восточной Европы стала ориентироваться на «печенежский» фактор, что означало окончательное ограничение области политического влияния Хазарского каганата черноморо-каспийским междуморьем.

С. С. РЯБЦЕВА

Институт Культурного наследия АН Республики Молдова
(Кишинев, Молдова)

О НАХОДКАХ УКРАШЕНИЙ ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА X–XI ВВ. В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ И ПОНТИЙСКОМ РЕГИОНАХ

К X–XI вв. относятся византийские по происхождению серьги, состоящие из плоской серповидной основы и тонкой волооченной дужки. При переходе от пластинки к дужке расположены полые золотые бусины. По нижнему краю пластинки — декор из треугольников зерни, чередующихся с проволочными колечками или каменными и жемчужными бусинами, нанизанными на штыри. В оформлении этих украшений представлены зоо- и антропоморфные мотивы, изображения цветочных розеток, растительных побегов и гроздей винограда. Сходные изделия, выполнявшиеся из золота, серебра или бронзы в X–XI вв. были представлены в Средиземноморском регионе: в Турции, Греции, Италии, на Сицилии. Находят их и в южной и восточной части Балкан, в Крыму и Карпатском регионе.

Вариант серег с объемными изображениями миниатюрных сопоставленных птичек демонстрирует украшение из собрания Мюнхенского Саммлунг Музея. Нижний край серьги оформлен чередующимися зерновыми треугольниками и колечками, в которые вписаны небольшие каменные бусинки на проволочных стебельках, обрамленные проволочными же лепестками. Цветочную тематику дополняет и розетка, вмонтированная в центральное колечко. Лунница завершается корзинкой, увенчанной фигурками птичек. Примером серег с эмалевыми изображениями птиц является пара золотых изделий, хранящихся в коллекции Британского Музея. Находки из болгарского Преславского клада демонстрируют подобные украшения в составе парадного женского убора. Характерной чертой серег, происходящих из данного комплекса, является то, что они декорированы в нижней части подвесками, крепящимися к колечкам или петелькам. Одна пара серег декорирована сканными завитками, цветными вставками, жемчужной обнизью и подвесками с жемчужными, аметистовыми и изумрудными бусинами. Две другие серьги непарные, украшены эмалевым декором. В одном случае основа серьги декорирована изображением побега виноградной лозы. На других украшениях — изображения павлинов, собак или волков. К основе этих украшений крепятся подвесочки с коническими золотыми бусинками и жемчужинами на концах.

Пара уникальных золотых серег с медальонами, декорированными бюстами Богородицы Оранты и императора Иоанна Цимисхия (969–976), хранятся в фондах Берлинского Музея позднеантичного и византийского искусства. На пластинке одной серьги нанесена инскрипция — «Господи, помоги!» — на другой — «Иоанн

Деспот». Изображения на медальонах также сопровождаются надписями. Подобные серьги могли являться частью императорских даров.

Наравне с греческими надписями и крестовидным декором, ряд серег рассматриваемого типа снабжен арабскими надписями и кораническими изречениями. Две пары серег с эмалевыми изображениями и арабскими надписями происходят с Крита и хранятся в Национальном археологическом музее Афин. Данные пары серег, а также три отдельных экземпляра были обнаружены совместно с монетами императоров Михаила II (820–829) и Константина Багрянородного (913–959). У одной пары серег серповидная основа украшена с одной стороны изображением собак или волков, сопоставленных у крина, с другой — арабской надписью. У другой пары эмалевое изображение представляет собой композицию, составленную из антропоморфных фигурок и изображений птиц с побегими в клювах. На обороте серьги — арабская надпись. Арабские изречения, нанесенные на рассмотренные украшения, содержат просьбы к Богу о благоволении к их хозяйкам Айсе и Зайнаб. На еще одной серьге эмалевые изображения птиц сопоставлены у розетки.

В собрании Музея Бенаки представлена пара золотых серег, увенчанных композицией из двух фигурок птичек (павлинов?), адорирующих у крина с раскидистыми ветвями. Серьги декорированы изящным сканно-зерневым декором и снабжены арабской надписью «Во имя Бога, милостивого и милосердного, да благословит Бог Пророка Мухаммеда», выложенной сканной нитью.

Украшения византийского происхождения иногда встречаются и в древнерусских археологических памятниках. Примером тому может служить находка золотого украшения рассматриваемого типа, сделанная в Чернигове при раскопках жилища X в.

Роскошные золотые и серебряные украшения, декорированные зернью и пергородчатыми эмалями, послужили своеобразными образцами - протопопами для более простых литых изделий. Кроме колец, изготовленных в технике литья, известен и целый ряд литых формочек. Производство на территории Восточной Европы подобных подражаний византийским по происхождению украшений документировано благодаря находке двухстворчатой каменной литой формочке, обнаруженной в результате исследований в Белгород-Днестровской крепости. Сходные формочки были найдены в византийских крепостях на Дунае — Пэкулюй Соаре и Диногечия.

Таким образом, при явном преобладании находок рассматриваемых произведений ювелирного искусства в Средиземноморском и Карпато-Балканском регионах, на территории Восточной Европы не только были известны роскошные византийские серьги X–XI вв. (Чернигов), но и изготавливались упрощенные подражания им (Белгород).

В. В. СЕРОВ

Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)

КЕСАРЬ ТИБЕРИЙ, ЮСТИН МЛАДШИЙ И АВГУСТА СОФИЯ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЛАСТИ

В сообщении ставится проблема субъекта политики Ранневизантийского государства в 573–578 гг. Рассматриваются вопросы: а) насколько серьёзными были «болезни» Юстина II с точки зрения возможности осуществления им своих властных функций; б) насколько велика была реальная власть императрицы Софии; в) объём фактических полномочий кесаря Тиберия.

Основанием обратиться к названной теме стала ситуация в историографии, коснувшейся поставленных вопросов. Недосказанности и разночтения исторических источников предоставляют учёным возможность достаточно вольной трактовки данных. Особенное усердие в этом проявляют современные англоязычные исследовательницы, начиная с Эверил Кэмирон, воспевшие подлинный гимн способностям августы Софии. До них в специальной литературе предлагалась реконструкция событий и отношений в точном соответствии с данными основных источников, которые акцентировали внимание на недееспособности Юстина, властолюбии и коварстве Софии и положительных качествах Тиберия. Эти выводы относительно участия во власти императрицы Софии явились, по сути, первой попыткой пересмотреть устоявшиеся в византинистике (и явно недостаточные) взгляды на политическую ситуацию вокруг императорского трона в 70-е гг. VI в.

Для разрешения поставленной проблемы представляется уместным в методологическом плане анализ исторических источников, основанный на точном учёте сведений о персональной активности каждого из трёх названных фигурантов: что они делали в рамках объёма полномочий, принадлежащих верховной власти, и на что из этого они имели право с точки зрения ранневизантийской конституции. В этом смысле логично обратиться ещё раз к истории таких позднеантичных институтов, как должность цезаря, положение при дворе императрицы, а также к опыту изучения роли сената в политической жизни государства и способов презентации верховной власти.

По вопросу о болезни Юстина Младшего можно присоединиться к мнению Э. Кислингера, считавшего её параноидальной шизофренией, осложнённой некой инфекцией. Необходимо заметить, что подобный диагноз не отрицает вполне адекватной сознательной деятельности в периоды «просветления», которые могут быть весьма частыми и продолжительными. Кроме того, известные симптомы не отрицают возможности тайного применения в отношении Юстина некоего психотропного препарата. Это новое и перспективное предположение,

не имеющее пока подтверждения в источниках. Как бы то ни было, характер заболевания императора никоим образом не отрицает его непосредственной деятельности в качестве августа.

Вопрос о реальной власти императрицы Софии в период кесарства Тиберия решается путём исключения необоснованных догадок и обращения к фактическому материалу ранневизантийской истории. Августа София (и с этим, так или иначе, соглашаются все современные исследователи) не имела конституционного обоснования непосредственного участия в реализации власти императора. Традиция допускала такие формы активности его супруги, как патронирование общественно-политических институтов (например, цирковых партий), поддержку какого-либо религиозного течения, презентация собственной персоны (например, на монетах) и интриги при дворе, направленные на усиление влияния на василевса в частных вопросах (вроде возможности поместить своё изображение на монете или имя на документе регионального уровня). Полнота перечня и результаты деятельности определялись характером августа. София, бывшая весьма темпераментной и амбициозной особой, развернулась при дворе необычайно активно, однако главой целью её были не мелкие победы над супругом или кесарем, а сохранение собственного императорского звания — «царской власти», которая единственно позволяла ощущать полноту жизни и пользоваться благами, недоступными «простым смертным».

Наконец, по вопросу о властных полномочиях кесаря Тиберия (который был обязан своим назначением не столько Софии, сколько собственному авторитету при дворе, в армии и в сенате) необходимо использовать соответствующие выводы Е. П. Глушанина, внимательно изучавшего ранневизантийский цезарат. Вслед за Э. Штайном он пришёл к заключению о необычайно обширных полномочиях Тиберия в период болезни Юстина II — полномочиях, включавших в свой состав почти всё, кроме прерогативы распоряжаться профицитной частью бюджета, а также руководства религиозной политикой. Такого рода деятельность мог осуществлять только август, пусть и в периоды «прояснения» сознания.

Таким образом, можно констатировать необходимость корректировки современных представлений о политической ситуации при византийском дворе в 573–578 гг. В источниках тенденциозно преувеличено влияние «умственной болезни» императора Юстина на его способности политика. Тиберий-кесарь получил от него и сената огромную власть, подверженную, правда, периодически-контролю со стороны августа. Значение императрицы Софии в управлении страной в этот период не усилилось, несмотря на её потуги; она не осуществляла ни одного вида государственной деятельности, предпочитая создавать видимость разновекторной активности. Очевидно, для указанного промежутка времени имеет смысл говорить о соправительстве Юстина и Тиберия как о наиболее точно определяемой форме государственного управления.

В. А. СИДОРЕНКО

Крымское отделение Института востоковедения
(Симферополь, Россия)

Т. Ю. ЯШАЕВА

Заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Россия)

СТЕКЛЯННЫЕ И БРОНЗОВЫЕ МОНЕТОВИДНЫЕ ЭПИФОРЫ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Среди археологического материала существует группа средневековых стеклянных изделий в виде кружков с односторонним оттиском штампа, наносившимся на разогретое до аморфного состояния стекло. Подобные артефакты с арабскими надписями принято относить к числу эксагиев — разновесов, подобных бронзовым гирькам с отчеканенными надписями имен и лакабов правителей. Стеклянные кружки с оттисками круглого штампа существовали и в христианском мире и, очевидно, выполняли различные функции. Часть из них, яркоокрашенные с простейшими изображениями точек в круглом поле, могла служить фишками для игр.

В числе подобных изделий из цветного стекла выделяется особая группа с изображениями христианских символов и греческими легендами. В центре кружков присутствует погрудное изображение фигуры, в правой или левой руке которой находится некий предмет, похожий на песочные часы. При этом верхняя часть предмета часто изображается в виде полого кольца, а нижняя — рельефного полушария. Таким образом, песочные часы (если принимать такую трактовку изображения) представлены в состоянии истекшего песка. Над головой фигуры находится изображение креста, вписывающееся в расположенную по краю легенду. Надписи в легенде различны.

1. Песочные часы в правой руке. Легенда: ΘΕΟΠΡΗΚ ΤΗ. – Θεὸς(ς) πρῆκτῆ[ρ]
— *Бог создатель.*

2. Фрагмент. Песочные часы в левой руке. Легенда: ΘΕΟΠΡ..... – Θεὸς(ς) πρῆκτῆ[ρ]
— *Бог создатель.*

3. Песочные часы в левой руке. Легенда: ΕΠΙΦΟΡΑ ΤΟΥ ΕΠΑΡΧΟ. – ἐπιφορ(ᾶ)
τοῦ ἐπαρχο[υ] — *эпарха посмертное приношение.*

Как кажется, последняя легенда проясняет назначение данной группы стеклянных изделий, которые, очевидно, являлись эпифорами— посмертным приношением или приношением на могилу. Упоминание эпарха вызывает некоторое недоумение, поскольку в Византийской империи эпархом назывался гражданский и военный руководитель провинции, а в дарителе эпифоры, казалось бы,

мог выступать носитель церковного сана. Церковно-административными округами епархиями (ἐπαρχία) управляли епископы, и в надписи на епифоре, вероятно, именно епископ, управитель епархии, нетрадиционно назван эпархом.

Вероятно, к епифорам относятся и два других типа стеклянных кружков. Первый несет на себе изображение монограммы в окружении легенды, а второй — изображение креста на сферическом основании с точками по сторонам.

Хронология стеклянных епифор пока недостаточно разработана. Определенным критерием для их датировки, возможно, является находка подобной описанным при раскопках базилики на Тепсене наряду с археологическим материалом VIII–X вв.

В свете выявления неизвестной ранее группы епифор представляется возможным пересмотреть атрибуцию одного из типов изделий средневекового Херсона, относимого к числу литых монет, с изображениями крестов на обеих сторонах: аверс — крест на сфере, реверс — крест на трехступенчатом основании — Голгофе. А. В. Орешников считал известный в его время экземпляр Исторического музея не литым, а чеканенным, а в датировке его исходил из ошибочного представления о том, что «кресты на херсонских монетах прекращаются при Романе II, после которого преобладают... монограммы» [Орешников 1905: 365, табл. X, 54]. В. А. Анохин относил подобный тип к литым, датируя его второй половиной правления Василия I (867–886) или началом правления Льва VI и Александра (886–912). Он предположил, что «этот особый тип монет выпускался Херсонской епархией» [Анохин 1977: 126]. Причина заблуждения А. В. Орешникова в технологии изготовления монетовидных изделий с двумя изображениями крестов заключается в том, что в его распоряжении находился единственный в то время известный экземпляр неудовлетворительной сохранности, а большинство подобных тщательно обрабатывалось механически после отливки или отличалось высоким качеством литья. Несомненная «особенность» данной литой продукции Херсона заключается в индивидуальности изготовления их литейных форм, в отличие от тиражирования литых монет путем использования общего для них эталона, нехарактерного для монет типа с изображением двух крестов и, наконец, изображением одного из крестов на сферическом основании, которое более не встречается на монетах, однако, присутствует на одной из стеклянных епифор.

Одно из подобных монетовидных изделий, ставшее известным в недавнее время, стороной с изображением креста на ступенях представляет прототип для повторения его на оборотных сторонах литых монет с инициальными буквами имени Константина и крестообразной монограммой Романа на лицевых сторонах и общим для них изображением креста на трех ступенях на оборотной, хотя и с дефектом правого луча креста.

Поскольку предполагается, что оба монетных типа относятся к продукции церковно-епископального производства Херсона, общий с ними штамп (или прототип) с крестом на ступенях монетовидного изделия с двумя крестами подкрепляет отнесение его к продукции тех же церковно-епископальных мастерских и атрибуцию епифоры.

В. П. СТЕПАНЕНКО
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

ЕЩЕ РАЗ ЛОКАЛИЗАЦИИ ХАЗАРИИ В XI В.

После появления моей работы о мятеже Георгия Цулы в 1016 г., ряд коллег категорически возражал против локализации «Хазарии после Хазарии» в Крыму, преимущественно северо-восточной его части с центром в Керчи. Но еще раз обратимся к источникам.

Иоанн Скилица пишет: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 (1016) г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Дуки Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятя василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении» [354₈₈]. Для Скилицы архонт — автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией.

Из еврейско-хазарской переписки известно, что в IX — первой половине X в. под контролем хазар оставался весь северо-восточный Крым, южное побережье и Горный Крым, а территория фемы Херсон сводилась к самому городу и его ближайшим окрестностям. Как следствие, архонтатом Хазарии она быть не могла.

Естественно, что к началу XI в. после краха Хазарского каганата ситуация в Крыму должна была коренным образом измениться. Но все исследователи в той или иной степени согласны с тем, что отнюдь не вся территория полуострова вошла в состав византийских фем, считать ли ими только Херсон или также мало и плохо известные Сугдею и Боспор. Фактически империя более или менее стабильно контролировала лишь побережье от Херсона до Боспора и некоторыми изъятиями.

Еврейский путешественник Р. Петахия ок. 1173 г. отправился на восток из Регенсбурга «прошел землю хазарскую в восемь дней. В конце этой земли семнадцать рек сливаются в одну и в этом месте собираются все желающие пуститься в морское путешествие. Там с одной стороны есть море, которое издает большое зловонье, с другой море чистое без запаха, и расстояние между тем и другим около дня пути». Комментаторы XIX в. полагали, что речь идет о Сиваше и Азовском море. Иной интерпретации сообщения Петахии предложить невозможно. Но в этом случае его Хазария — северо-восточный Крым от Перекопа до Керчи.

Гийом Рубрук, в ходе своего путешествия на восток в мае 1253 г., посетивший Крым, писал: «Мы прибыли в область Газарию, которая представляет собой как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Херсоном. В середине же, приблизительно в направлении южной оконечности Кассария имеет город, именуемый Солдайя... В восточной же части этой области есть город,

именуемый Матрика... Итак вышеупомянутая область Газария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Херсон., с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, с востока, где город Маритандис или Матрика, и устье моря танаидского». Сведения эти он почерпнул в Солдае явно от местных жителей. Так что к середине XIII в. Газария — это Крым от Херсона до Тмутаракани, включая Таманский полуостров, на котором Газария граничит с Зихией.

Для монаха Матфея, совершившего путешествие из Алустона? в Феодоро в конце XIV в., Хазария также не отождествляется с Херсоном. Это более широкое географическое понятие, прилагаемое Матфеем к территории восточнее Херсона. Для Иоанна Евгеника владетель Феодоро Алексей в начале XV в. — столп Хазарии и «солнце, обливающее своими лучами всю землю Готфии». И лишь в данном случае Хазария может быть отождествлена с всем Крымом. Но Херсон к этому времени перестал существовать...

Политическая ситуация в Крыму второй половины X — начала XI вв. практически не известна. После падения Хазарского каганата Византия предпринимает определенные усилия по возвращению ранее утраченных территорий в Таврике, свидетельством чего является возрождение фемы Боспор к 971/75 гг.

Русь на какое то время смогла закрепиться на европейском берегу Боспорского пролива в Тмутаракани. Существует печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, традиционно датируемая концом XI в. Но Хазария здесь явно не Волжская. В последнее время ее пытались найти на северном Кавказе восточнее Зихии. Отождествлять ее с Херсоном или с территорией фемы Херсон нет оснований, ибо страстигом Херсона Михаил явно не был, а на весь Крым вряд ли претендовал.

Судя по надписи князя Тмутаракани Глеба, в 1074 г. он контролировал оба берега Керченского пролива. В противном случае вряд ли он бы нуждался в измерении его ширины. находка в Керчи двух из семи монет, приписываемых одному из его преемников Олегу-Михаилу также может косвенно свидетельствовать о принадлежности Корчева-Керчи князьям Тмутаракани по крайней мере в 70–90 гг. XI в. Отметим, что статус Олега Михаила в 80–90 гг. двойственен. Он правит как автономный владетель, явно признающий византийский сюзеренитет, и рассматриваемый в Константинополе в качестве вассала. По крайней мере в надписи приписываемого ему моливдовула он архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии.

В 1079 г. некие «козары» выдали Олега Византии. Два года князь провел в ссылке на Родосе, после чего был возвращен в Тмутаракань. По возвращению он перебил «козар» и оставался в Тмутаракани до 1094 г., когда в союзе с половцами вернулся на Русь и водворился в Чернигов. Учитывая, что князь был сослан на Родос, и вернулся в Тмутаракань через Константинополь, то и данный моливдовул может быть датирован 1083 г.

Мы полагаем, что печать отражает византийское видение статуса Олега как архонта, в данном случае территорий, им контролируемых. Обычно смущает

включение в титулатуру князя термина «всей Хазарии», но создается впечатление, что в данном случае речь идет лишь о северо-восточном Крыме с Керчью, а не о всем Крыме и уж тем более не о давно исчезнувшем Хазарском каганате. Но в этом случае Олег действительно был вассалом Византии, так как она признала за ним и европейский берег Боспора Киммерийского, принадлежавший империи. До этого Олег правил Тмутараканью чуть более года и вряд ли успел бы формализовать свой статус.

В надписи недавно изданной А. Алферовым новой печати Олега Михаила он назван архонтом и дукой Таматрахи и всей Хазарии». Печать датируется широко 1083–1094 гг. ближе ко второй дате. Судя по всему, за прошедшие десять лет произошли определенные изменения как в подконтрольных архонту территориях, отпала Зихия, так и в статусе самого архонта, утратившего часть своей автономии. Ныне он архонт и дука. Упоминание в надписи печати «всей Хазарии», как кажется, свидетельствует о сохранении князем неких управленческих функций и в византийских владениях в районе Боспора-Керчи между 1083–1094 гг.

Для практики отношений Византии с вассальными владельцами это было вполне традиционно, свидетельством чего являются параллели в Закавказье. Это передача византийских владений во временное управление вассальному архонту с последующим возвращением империи и его наследственных владений. Князь явно возвратился в Тмутаракань с византийскими контингентами, присланными из Константинополя или собранными на месте в Крыму. Иных у него просто не было. Как следствие, после ухода Олега на Русь ок.1094 г. все его владения вошли в состав Византии. По видимому, после этого Тмутаракань и стала византийской фемой или частью одной из уже существовавших к этому времени фем, (так как печати стратигов фемы Таматарха пока неизвестны). Эта дата подтверждается датировкой панегирика Алексею Комнину Михаила Ставроромана, в котором Боспор Киммерийский упомянут как возвращенный императором в состав Византии — до 1098 г.

Решающим аргументом, в пользу локализации Хазарии в северо-восточном Крыме является недавно изданная печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии. Датирована она может быть 90-ми гг. XI в., после ухода Олега на Русь. Показательно, что Тмутаракань в состав фемы не вошла, по видимому, составив отдельную административную единицу, тогда как Хазария стала частью катепаната. Будучи византийским стратигом фемы, никаких претензий на командование территорией исторической Хазарии, будь то Поволжская или Северокавказская, он явно не имел. Следовательно Хазария печати — это все тот же северо-восточный Крым. Вернемся к сообщению Скилицы о мятеже Цулы. В свете вышесказанного он не может быть локализован в Херсонесе, но — на территории Боспора-Хазарии.

Е. В. СТЕПАНОВА
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПЕЧАТЯХ КОММЕРКИАРИЕВ ФЕССАЛОНИКИ X В.

При работе с печатями коммеркиариев Фессалоники X в. невольно обращаешь внимание на одну особенность в их оформлении, а именно на очень богатый репертуар изображений. Наряду с традиционными изображениями процветших крестов, Богоматери, Христа, архангела Михаила на этих памятниках встречаются образы птиц, грифонов, орла, льва. Нетрадиционными и явно местного происхождения являются изображение Святого Луки на троне и сцена благословения Святого Нестора Святым Димитрием. В этом плане репертуар данной группы печатей находит аналогии в группе печатей глав ведомства варваров того же X в., в обязанности которых входили связи с находящимися на территории империи иностранцами.

Некоторые исследователи предполагают, что расцвет светских сюжетов на сфрагистических памятниках X в. связан с восточными заимствованиями, пришедшими в Византию, в том числе через текстиль. Однако, по всей видимости, были и другие аспекты, влиявшие на формирование репертуара печатей коммеркиариев Фессалоники X в.

Н. И. ХРАПУНОВ
Крымское отделение Института востоковедения
(Симферополь, Россия)

НОВЫЕ НАХОДКИ В МОГИЛЬНИКЕ НЕЙЗАЦ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОНЕТ В ПОЗДНЕРИМСКИХ МОГИЛЬНИКАХ КРЫМА

Раскопки могильника Нейцац, расположенного в крымских предгорьях, в 8 км к югу от пгт. Зуя, ведутся с 1996 г. экспедицией под руководством И. Н. Храпунова. За это время открыто 585 погребальных сооружений II–IV вв., где хоронили сарматы и аланы. Могилы содержали богатый и разнообразный инвентарь, особую группу которого составляют античные монеты. Однако они не образуют постоянный и стабильный элемент инвентаря (открыты в 5% могил). Корреляции монетных находок с полом и возрастом погребенных или с типом погребального сооружения не прослеживается. Тем не менее, на плане могильника выделяются несколько зон, где концентрировались могилы с монетами.

29 монет из Нейзаца (раскопки 1996–2008 гг.) опубликованы. С тех пор найдено еще восемь монет, в том числе — самая поздняя на могильнике. Монетные находки образуют три хронологические группы: 93–277 гг. (14 экз.), 284–337 гг. (14 экз.), 348–355 гг. (1 экз.); 8 экз. стерты, не определяются. Отметим паузы в поступлении денег — третья четверть III в. и вторая половина IV в., когда другие античные вещи в могильник продолжали поступать. 20 экз. (54%) относятся к чеканке Римской империи, 8 (22%) — Боспорского царства, 1 (3%) — Херсонеса. Вопрос об источниках поступления монет остается открытым; их могло быть несколько, в разные моменты времени они могли меняться. Обращает на себя внимание большое количество монет с пробитыми отверстиями. Это всегда бронзовая чеканка. Отверстия расположены в крае монеты, но их ориентация нестабильная. Таким образом, владельцы не заботились об изображении на монетах. Петелек для подвешивания не зафиксировано.

Находки римских монет III–IV вв. на памятниках крымских варваров (погребения, святилища, клады) обычно интерпретируют в связи с бурными событиями истории полуострова и в частности — полубогатырскими сведениями Константина Багрянородного о херсонесо-боспорских войнах. Однако недвусмысленные доказательства такой связи представляют собой проблему. Можно констатировать, что состав монетных находок в могильниках отличается от кладов и святилищ. Однако следует отметить, что присутствуют существенные различия в структуре монетных находок (общее количество находок на памятнике и в отдельных могилах, место чеканки, хронология, соотношение разных групп) не только между германскими (с погребениями по обряду кремации) и сармато-аланскими (ингумации) памятниками, но и внутри второй группы.

В. Н. ЧХАИДЗЕ

Институт археологии РАН
(Москва, Россия)

ПЕЧАТИ П. ФАЛЕТРО САН ТОМЕ

В классическом труде Г. Шлюмбеже «*Sigillographie de l'Empire Byzantin*» была опубликована прорисовка небольшой (диаметр — 15–17 мм) печати, происходящей из Стамбула и несущей греко-латинские надписи [Schlumberger 1884: 84].

На аверсе, в точечном ободке изображен святой воин, верхом на лошади, идущей справа налево. Воин правой рукой заносит над головой меч, левой прижимает к груди небольшой щит. Возле щита греческая надпись: $\Theta|\Gamma|\epsilon|\omega|\rho|\Gamma|\iota = \text{'O } \acute{\alpha}(\gamma\acute{\iota}\omicron\varsigma) \text{ Γεώργιος}$.

На реверсе, в точечном ободке четырехстрочная латинская надпись: $\dagger \text{ P. FA} |$
 $\text{LETRO} | \text{S} | \text{T} | \text{H} | \text{O} | \text{M} | \text{E} |$

Слово в третьей строке разделено точкой

Издатель посчитал легенду печати «странной» и прочел ее как: P. Faletros Thome [Schlumberger 1884: 84].

Впоследствии данная печать, вместе с частью коллекции Г. Шлюмберже была приобретена Н. П. Лихачевым и опубликована Л. Г. Климановым в его своде. Им же было предложено новое прочтение легенды: † Pietro (или Paolo) Faletro San Thome [Климанов 1999: 231–232, № IV.27].

По мнению Л. Г. Климанова, Пьетро (или Паоло) Фалетро, принадлежал к венецианской семье Фальеро, проживавшей в контраде (?) (приходе) св. Фомы в округе («сестьере») Сан Поло в Венеции. Представители семьи участвовали в освоении Леванта в эпоху крестовых походов, и печать могла принадлежать одному из ее членов, получившему феодальное владение на Востоке (на одном из островов Эгейского архипелага?). Моливдовул условно датирован XIII в. [Климанов 1999: 232].

В 2013 г. параллельный моливдовул был обнаружен при раскопках Таманского городища (раскоп «Нагорный», площадь Г22, штык 7). Печать сильно корродирована. Диаметр — 18 мм. Легенда сохранилась не полностью, над верхней строкой — две горизонтальные черты: — — |. P. FA |.CTRO |.TH. |...

Несмотря на плохую сохранность моливдовула, можно констатировать, что он оттиснут той же парой матриц, что и стамбульский экземпляр.

Венецианская семья патрициев Фальеро (Faliero, Falier, Faledro) известна с X в. Среди выходцев из семьи — три дожа Венеции, ряд государственных и церковных деятелей [Deér 1966: 304–344; Nicol 1988: 63–65]. Однако Пьеро или Паоло Фальеро в доступных источниках не выявлен, но поиск должен быть продолжен.

Можно полагать, что находка второго моливдовула на Таманском городище может быть связана с итальянской колонизацией Северного Причерноморья — с начала XIV в. в Матреге уже существует генуэзская колония [Чхаидзе 2006: 197]. В данной связи моливдовулы могут датироваться концом XIII — XIV вв.

А. В. ШАМАНАЕВ

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

ВКЛАД А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА

В РАЗРАБОТКУ ПРОЕКТА МУЗЕЯ В ХЕРСОНЕСЕ (1879 г.)

Либеральные преобразования в общественной и культурной жизни Российской империи во второй половине XIX в. способствовали росту числа музеев, ориентированных на хранение и экспонирование объектов историко-культурного наследия страны. Развитие музейного дела в России сопровождалось обсуждением широкого круга теоретических и практических вопросов.

В Северном Причерноморье уже в первой четверти XIX были созданы несколько общедоступных музеев древностей, а с 1839 г. здесь функционировало Одесское общество истории и древностей (ООИД).

В 1876 г. ООИД начало археологическое изучение Херсонесского городища, был разработан план научных изысканий и охранных мероприятий, который предусматривал создание на памятнике древлехранилища.

Концепция будущего музея разрабатывалась вице-президентом ООИД Н. Н. Мурзакевичем. Проект предусматривал создание экспозиции средневековых артефактов в специальном здании, построенном «в византийском характере». Для его сооружения предполагалось использовать архитектурные фрагменты, найденные на памятнике. Псевдовизантийский стиль сооружения должен был подчеркивать специфику экспозиции, раскрывающей историю христианства в Крыму. Эскиз будущего здания был выполнен кондуктором Пруденковым, вероятно, в 1878–1879 г. За основу архитектурного решения была взята арочная конструкция, увенчанная куполом.

В конце 1879 г. Н. Н. Мурзакевич привлек к обсуждению проекта музея А. Л. Бертье-Делагарда. Ответ Александра Львовича (3 (15) декабря 1879 г.) хранится в собрании Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).

В письме к Н. Н. Мурзакевичу Александр Львович, прежде всего, подверг критике саму идею организации на городище музея. По его мнению, он не мог соответствовать своему назначению, прежде всего, из-за удаленности от города. А. Л. Бертье-Делагард подчеркнул, что публичный музей должен быть максимально доступным, как по расположению, так и по организации его работы.

А. Л. Бертье-Делагард предложил рассмотреть два возможных варианта организации экспозиции. Для него наиболее целесообразной была передача находок в музей ООИД, что позволяло сохранить целостность коллекций и их доступность для публики. Открытым оставался вопрос о сохранении крупногабаритных находок. Одесский музей не имел возможности организовать их транспортировку и хранение. Кроме того, с 1850-х гг. существовала идея создания музея христианских древностей при монастыре св. Владимира в Херсонесе, который имел право на артефакты «христианского происхождения».

В качестве альтернативы Одессе, А. Л. Бертье-Делагард предложил открыть экспозицию херсонесских находок в Музее Севастопольской обороны в центре города. Александр Львович понимал, что в этих помещениях невозможно разместить полноценную археологическую экспозицию. Он надеялся, что в ближайшее время будет построено специальное музейное здание, но этот план не был реализован до 1895 г.

Александр Львович был вынужден признать, «*что музей там [на городище] состоится*». В связи с этим, он уделил значительное внимание критике существующего проекта. Так, он отметил, что эскиз Пруденкова не основан на каких-либо исторических или археологических реалиях, лишен эстетической целостности. Он указал на то, что «*Все размеры здания очень не велики и даже для маленького музея будут недостаточны*». Александр Львович признал возможность усовершенствовать проект, «*уничтожив арки между колонн и обратив купол в шатер*»,

отметил, что такая постройка будет плохо выглядеть рядом с будущим собором.

Александр Львович оценил затраты на строительство в 7–8 тыс. руб., при использовании строительных материалов из раскопок, отметив их низкое качество. По его мнению, оптимальным могло стать строительство небольшого функционального здания без архитектурных «излишеств». Также, он высказал идею осуществить реконструкцию одного из уже раскопанных храмов Херсонеса.

Время подтвердило справедливость критики А. Л. Бертье-Делагарда. На строительство музея ООИД удалось собрать только 600 руб. Вновь идея создать музей в Херсонесе была озвучена Императорской Археологической Комиссией (ИАК) в 1887 г. Первоначально предполагалось реконструировать одну из базилик для размещения археологической экспозиции. Против этого высказались И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, А. Л. Бертье-Делагард. В итоге ИАК отказалась от идеи реконструкции базилики и размещения в ней экспозиции.

Таким образом, изучение письма А. Л. Бертье-Делагарда позволяет получить представление о некоторых принципах музееведения второй пол. XIX в.: музей рассматривался как публичное учреждение; доступность экспозиции обеспечивалась размещением музея в центре города; музейное здание должно было обеспечивать благоприятные условия для экспонирования и хранения вещей, эстетически соответствовать профилю экспозиции. Большое значение в музейном деле имел экономический фактор.

А. С. ЩАВЕЛЕВ

Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ СЛАВЯНСКОГО «ПЛЕМЕНИ» *λευζανῆνοι/λευζενίνοι/* lędjane*

Славянское «племя» *Λευζανῆνοι/Λευζενίνοι/* lędjane* — условно лендзяне, упомянутое дважды в трактате императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» и один раз в т. н. «Баварском географе» IX в. до сих пор надежно не идентифицировано и не локализовано (обзоры версий и литературу вопроса см.: DAI–II: 34–35; КБ: 316–317, 390; Назаренко 1993: 31–34; SSS–III: 12, 52–53; SSS–IV: 181–183; констатацию отсутствия удовлетворительной локализации см.: Назаренко 2001: 404).

Из главы 9 трактата «Об управлении империей» известно, что кривичи, лендзяне и прочие славинии готовят «моноксилы» и переправляют их в Днепр, доставляют в Киев и продают росам (DAI–I: 56–59; КБ: 44–47). Славяне сплавляют моноксилы в Днепр весной, когда сходит лед. Причем, сплавляют не по рекам (*ὁ ποτᾶμός*), а по каким-то «водоемам»: в тексте использовано греческое слово *ἡ λίμνη*, которое обозначает «стоячую воду», «озеро», «болото», иногда «искус-

ственное озеро», «канал», «бухту» (Вейсман 1899: 762; Liddell & Scott's 1989: 474). Моноксилы переправляются в Днепр не по относительно большим рекам-притокам, а по самым мелким протокам его гидрографической сети: старицам, рукавам, затопленным оврагам и др., которые как раз становятся судоходны в половодье. Это приводит нас к мысли, что и кривичи (это достоверно известно), и лендзяне живут непосредственно на Днепре. Упомянутые моноксилы делаются «в горах» (εἰς τὰ ὄρη). Эта на первый взгляд не очень понятная деталь текста совершенно логично сопоставляется с известиями начального русского летописания о том, что «племя» полян расселилось «на горах» над рекой Днепр, вокруг которых был лес (DAI-II: 35–36; ПСРЛ. Т. I. Стб. 7, 9; ПСРЛ. Т. III. 2000: 104–105; о древней мифологической полянской традиции как источнике этих летописных пассажей см.: Щавелев 2007: 105–126; 160–163).

В главе 37 трактата подплатежными России странами (ὀλόφορα χώρα) названы «ультины, дравленины и лендзяне и прочие славяне», эти славянские «племена» граничат с печенежскими «фемами». Уличи изначально заселяли берега Днепра южнее Киева, с ними воевали Аскольд и Дир (ПСРЛ. Т. III. С. 106, 109–110), там, и только там, а не на Днестре, или где-либо еще, может быть надежно локализован их «столичный» город Пересечен (Рыбаков 1950: 5–8, 17; Щавелев 2013: 114–115). Б. А. Рыбаков был абсолютно прав, когда писал: «... Город уличей (Пересечен — А. Щ.) киевский воевода осаждал целых три года, и взятие его летопись ... отмечает особо... Трудно допустить, чтобы затерянный в оврагах и балках Приднестровья Пересечен мог представлять собой объект столь упорных усилий киевского князя. Ведь нужно было снаряжать целую экспедицию вглубь Печенежской степи на 400 километров от Киева и держать там войско три года. Зачем? Чему и кому мешал этот далекий городок? Иное дело, если Пересечен был расположен... «по Днепру вниз», тогда он лежал на жизненной магистрали...» (Рыбаков 1950: 5–6). Информация главы 37 практически исключает локализацию уличей по «Повести временных лет» — на Днестре (ПСРЛ. Т. I. Стб. 13). Территория дравлян на Правобережье тоже доходила практически до Днепра (Звіздецький 2008: 134–135; Комар 2005: 134–137).

В «Новгородской первой летописи младшего извода», отражающей «Начальный свод», предшествовавший «Повести временных лет» (ПСРЛ. Т. III. М., 2000. Стб. 107–110) описано завоевание Олегом и Игорем полянского Киева, затем, после вокняжения Игоря в Киеве — нападения на уличей и дравлян и возложение на них дани. Только у этих трех племен были захвачены их «столицы»: Киев — Олегом, Пересечен — Свенельдом и Коростень — после смерти Игоря княгиней Ольгой. Таким образом, согласно «Начальному своду», Киеву в начале X в. устойчиво подчинены поляне, уличи и дравляне. Этот же перечень славянских племен находим в главе 37 трактата «Об управлении империей», которая восходит к материалам начала X в. времени византийского императора Льва VI Мудрого (Howard-Johnston 2000: 301–336). Сопоставление известий «Начального свода» и трактата «Об управлении империей» позволяет отождествить лендзян, не с во-

лынянами или каким-нибудь другим племенем Правобережья Днепра, а исключительно с *днепровскими полянами* (ср. похожее отождествление, к сожалению, искаженное неоправданными домыслами: Скрынников 1996: 312–314).

Семантика этнонимов поляне (**pol'ane* от **pole* — «поле, нива, участок обрабатываемой земли») и лендзяне (**lədjane* от *ləd-o**, *ləd-a** — «невозделанная земля, участок леса под расчистку под пашню») взаимосвязана и взаимообусловлена (ЭССЯ–15: 43–48; Иванов, Топоров 1980: 38–39; Толстой 2006: 134–143). Видимо, информатор или переводчик византийцев применил синоним для обозначения племени полян. Когда речь идет о *полянах польских* в древнерусском летописании этноним ляхи (производный от этнонима **lədjane*, *ляхъ* < **ləd-χh**) и этноним поляне были связаны и взаимозаменяемы (ПСРЛ. Т. I. Стб. 6; ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 5, 725).

Причины использования двух близких по значению этнонимов применительно к одному народу до конца не понятны. Но некоторую ясность вносит наблюдение О. Н. Трубачева, который отметил, что этноним поляне использовался и польскими, и днепровскими носителями этого имени как самоназвание. А варианты этнонима лендзяне/ляхи были названиями, которые давали «племеню» полян их соседи. У этнонима **lədjane* был небольшой, но характерный негативный оттенок, подчеркивающий, что носители этого имени — «новоселы» на месте своего обитания, только осваивающие целину (Трубачев 2002: 234; 286). У слова *ləd-o**, *ləd-a** были еще к тому же разнообразные обценно-пейоративные фоносемантические коннотации (ЭССЯ–15: 46–47; Толстой 2006: 142–143). Таким образом, поляне днепровские, так же как и поляне польские себя называли **pol'ane*, а их соседи звали их со специфическим уничижительным намеком **lədjane*.

Идентификация *Λενζανῆνοι/Λενζενίνοι* с днепровскими полянами как будто не оставляет в таком случае места в Поднепровье для самой «Росии», которой древляне, уличи, поляне и другие славяне платят дань. Но сейчас понятно, что только сам Киев и, возможно, его ближайшие окрестности составляли «внутреннюю Русь», где «находилась резиденция архонтов Руси in corpore» (Назаренко 2009: 422).

Необходимо прояснить специфику фиксации этнонима в форме, где славянский *dj* передан греческой буквой *ζ*. Если *ζ* передает звук /dz/, то перед нами передача специфической черты диалекта «племеню» кривичей, которая объединяет этот диалект с западными «лехитскими»: **dj > -dz' > z' = ζ* (Николаев 1990: 55, 57–58; Николаев 1994: 28–29). Именно в зоне расселения кривичей располагались основные центры ранней руси (Гнездово/Смоленск, Псков, Полоцк). Если *ζ* передает звук /z/, то возможен вариант: *ζ = ž < *dj*.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**VI Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
Империя и Полис**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Редактор-составитель Н.А. Алексеенко
Корректор Л.О. Гриненко
Компьютерная верстка М.Э. Арефьев
Подписано в печать 15.05.2014. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times. Учетно-издательских листов 3,03
Тираж 100 экз.

Оригинал-макет изготовлен СПД Арефьев
299053, Севастополь, Матросский пер., 24.
Свидетельство о государственной регистрации
СВ № 002 от 26.12.2001.
Тел.: + 38 (0692) 45 35 92
E-mail: intersfera65@ mail.ru

Напечатано в НВЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика»
299011, Севастополь, ул. Ленина, 28
Свидетельство о государственной регистрации
ДК № 914 от 16.02.02 р.
Заказ № _____